

ЗАГОВОР НЕБЕС

р о м а н

Частный детектив
Павел Синичкин
расследует, кто убивает
девушек-парашютисток.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Заговор небес
Серия «Паша Синичкин,
частный детектив», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158983*

*Заговор небес: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08977-2*

Аннотация

Кому и зачем понадобилось жестоко и расчетливо устранять со своего пути четырех с юности друживших девушек? Отравившись грибами, умирает за праздничным столом одна. Другая заживо сгорает в собственной квартире. Третья едва не погибает в автомобильной катастрофе, а четвертую преследует маньяк-убийца... Кто он? Где искать его следы? В настоящем или в далеком прошлом, когда четверка увлеченно занималась парашютным спортом и главным в их жизни была страсть к рискованным прыжкам?..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	33
Глава 3	66
Глава 4	111
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Анна и Сергей Литвиновы

Заговор небес

Пролог

Катя Калашникова, Москва, 5 января

Катя включила первую передачу и проехала еще семь метров.

Открыла окно и прикурила сигарету.

Впоследствии она еще не раз вспомнит и эту сигарету, и это открытое окно. И будет думать, что опущенное стекло тогда спасло ей жизнь.

Катя затянулась легким «Кентом» и стряхнула пепел за борт авто, в сырую ночь.

Пробка на пересечении Страстного бульвара и Малой Дмитровки казалась бесконечной. Слева от Кати торчал крутой «Мерседес» с затененными стеклами. Справа тащилась «девятка». Впереди горели стоп-сигналы «Лексуса». Сзади напирал джип с включенным дальним светом. Откуда их столько выползло, этих крутых тачек?! Время-то к ночи...

Лениво летели снежинки, колеса месили столичную слякоть. Зимняя темнота давно опустилась над Москвой. Но

кругом горела новогодняя реклама, бесновались огни на нижнем этаже кинотеатра «Россия» – там нынче располагалось казино. Впереди, на перекрестке, было светло, как днем. Мимо застрявших в пробке машин проходили, лавируя, красиво одетые пешеходы. Они были хорошо видны в ярком свете московских фонарей. Катя машинально отметила: девушки – даже нет, какие там девушки, девчонки! – почти все, словно в униформу, затянуты в пальто от «Максмары» и «Валентино» (от семисот условных единиц, если покупать в «Галерее Актер»). Лица – щедро сдобрены дорогой косметикой.

Катя старалась спокойно относиться к тому, что ей приходится донашивать купленное еще в Париже пальтишко, а косметику от Диора использовать только в особых случаях. В обычные же, рабочие дни лишь слегка подводить глаза да пудрить нос. Но все равно немного обидно, когда мимо шуршат красивые, расслабленные и явно не напрягающиеся на работе девчонки, которые выбирают, в какой бы ресторан зарулить, – а ты, уставшая и бледная, можешь себе позволить только домашний ужин. Пусть праздничный, но домашний...

«Москва – неправильный город. А ее центр – вообще сплошная обманка. Здесь все настолько красиво, что кажется, будто по всей России так. Что где-нибудь в Лебедяни или Скопине точно так же толпятся на перекрестках дорогие машины, а между ними проплывают беззаботные и успешные

люди», – думала Катя.

Трудно было представить, что всего в полчаса езды отсюда глухой и темный вечер лежит над московскими спальными окраинами – и простирается дальше, дальше, над всею бескрайней Россией.

«С ума сойти – пробка в Москве в десять вечера, – подумала Катюша, инстинктивно включая первую передачу и проползая очередные пять метров. – Я пробки ночью только в Париже видывала... Куда они все едут? В гости? В кино? В ночные клубы?... И ведь есть же у людей деньги... Москва стала почти Парижем... – усмехнулась про себя Катя. – А все ж таки – не Парижем... Там-то любой, если он не клошар, может сесть в машину и поехать коротать вечер в любимое кафе... А у нас? У нас, наверно, это по кошельку лишь одному из тысячи... Или из десяти тысяч... Ворам, проституткам, банкирам, «деловым»... У меня вот еще хватает денег, чтобы проехаться на машине, – а вечер в кафе уже не по карману... С долгом за авто вот уже полтора года не рассчитаемся... А ведь машина-то – кроха, малолитражка!.. В Париже на таких студентки ездят...»

Светофор на пересечении Дмитровки и бульвара снова загорелся зеленым, и Катюша (вместе со своим оранжевым «Фиатом Пунто») проехала еще два десятка шагов. Кажется, в следующий заход она наконец минует перекресток.

Свет от казино, что расположилось на нижнем этаже бывшего кинотеатра «Россия» (теперь «Пушкинского»), стал

ярче. «А помнишь, – спросила сама себя Катя (автомобильные пробки всегда располагали ее к воспоминаниям и рефлексиям), – там, на месте этого «Шангри-Ла» (или как там его?) раньше был зал мультфильмов, и ты вместе с влюбленным одноклассником Юркой туда бегала смотреть «Тайну третьей планеты»?.. Ох, какой был мультик! Добрый, азартный, светлый... Потому что наш, советский... Не чета тем голливудским и японским, которыми сейчас детишек травят...»

Воспоминания, связанные именно с этим местом в Москве – пересечением Бульварного кольца и Пушкинской улицы (сейчас зачем-то переименованной в Большую и Малую Дмитровку, хотя Катя, как и большинство москвичей, никогда не помнила, где Большая, где Малая...) – все эти воспоминания вдруг чередой нахлынули на Катю. «А помнишь, – подумалось ей, – когда ты уже училась на первом курсе – ты поймала в документальном зале «России» фильм Ромма «А все-таки я верю»?.. Сильное, умное, страстное кино... Такие документальные фильмы нынче не делают... Да и кто их сегодня будет смотреть – документальные... Вот и на месте того зала теперь вместо фильма Ромма – рулетка да игральные автоматы...»

Через открытое переднее стекло автомобиля проникал промозглый воздух: бензиновый, зимний, простудный – но такой привычный, такой московский... Катюша стряхнула пепел в открытое окно. На перекрестке, похоже, произошел

затор: traffic jam, как это называют американцы. Одни машины еще не успели покинуть скрещение улиц, а им наперерез напоздали другие. Все отчаянно сигналили. Катя за десять лет московского безумного вождения научилась не поддаваться дорожному психозу. Она сидела спокойно: курила, слушала радио – и вспоминала.

Катя вспомнила тот же кинотеатр «Россия» – и кинофестиваль. В каком году это было? Кажется, в восемьдесят седьмом... Восторг перестройки... Здесь она впервые переводила фильм... В большом зале... Куча народу... «Нет ли лишнего билетика?»... Волновалась – ужасно... Листочки с синхронном тогда почему-то не подвезли... Приходилось лепить текст, как слышалось с экрана... А фильм-то был не простой – знаменитое «Кабаре»... Ох, сколько же я там со страху отсебятины навывдумывала!.. Боб Фосс, наверное, с ума б сошел, когда бы слышал меня... И если бы знал при этом русский... А ведь никто в зале моих ошибок тогда, кажется, не заметил... И зрители после просмотра хлопали не только Лайзе Минелли, но и, похоже, ей, Кате... После того синхрона она впервые поверила в себя как в переводчику... Какая же она тогда была молодая, наглая и безмятежная!.. Двадцать лет, джинсы «Ливайс», грубошерстный свитер на голое тело, первый синхрон, первый прыжок, первая любовь... Боже, как же давно это было!.. И как все переменялось!.. И далеко не все – в лучшую сторону...

Авто по-прежнему стояли недвижимо, рычали мотора-

ми на холостых оборотах. По радио передавали песню из нового фильма про Джеймса Бонда. «The world is no-o-ot enough!..» – заливалась солистка «Garbadge».

От музыки, от расслабленности, от воспоминаний Катюшу вдруг отвлекла фигура, которая отделилась слева, с тротуара. Она вышла откуда-то из полутьмы того здания, что предшествовало «России». (Там, кажется, находилась редакция «Нового мира».) Катя заметила фигуру боковым зрением. Сперва не обратила на нее внимания. «Прохожий... Или рекламные листовки раздает, – подумала она. – Или флаеры...»

Однако человек целеустремленно шел именно к ее машине. Он сосредоточенно миновал другие автомобили. И соседний «мерс» прошел, не остановившись.

И Катя повернула к нему голову. В первый момент она не поверила своим глазам: так страшно это было. Прямо на нее двигалась черная фигура. Лица не было. Его целиком закрывала маска.

Человек подошел к Катиной машине почти вплотную. В опущенной руке он что-то держал. Маска ничего не выражала. Кажется, на голове у человека был чулок. Он наглухо закрывал все лицо.

Вот человек уже в двух шагах от нее. Да, он идет именно к ней. Это было страшно, словно во сне. Надо бежать, но ты не можешь пошевелиться... Катя замерла как замороженная. Человек вскинул руку. В руке было что-то черное. Похоже,

пистолет.

И вот уже пистолет в полуметре от лица Кати. Направлен прямо на нее. Катюша остановившимся взглядом смотрела на него – прямо в черное дуло.

И в лицо – без лица.

«Это тебе за Настю!» – хрипло проговорил человек в черном.

И в этот момент сзади Кати истошным паровозным гудком загудел джип. Светофор только что открылся, машина, стоявшая впереди, уже рванулась, а Катя замешкалась. Перед капотом ее авто образовалось свободное пространство. Автоматически реагируя на гудок – а отнюдь не на пистолетную угрозу! – Катя резко бросила свой «Фиат» вперед.

Ее автомобиль дернулся, взвизгнули шины. Старт получился, как у Шумахера.

Глухо раздался выстрел.

Затем, вслед, еще один.

Катя вылетела на перекресток. Она с такой страстью давила на акселератор, что едва не въехала в зад затормозившего впереди автомобиля. Не замечая ничего вокруг, изо всех сил нажала на тормоз. Ее машина резко остановилась. До бампера переднего «Лексуса» оставалось сантиметра четыре. Сзади тоже взвизгнули тормоза, а следом раздался долгий, сродни длиннейшему ругательству, сигнал джиппера. Катя ему даже виновато рукой не махнула – как делала всегда, если случалось создавать помехи другим водителям. Она ничего

не соображала. Все было еще менее реально, чем во сне.

Впереди идущая машина снова поехала, и Катюша, как автомат, тронулась следом. Она не помнила себя и не видела окружающего.

Очнувшись лишь на Тверской, возле гостиницы «Минск». Как она здесь оказалась? Что было потом, после выстрелов? Она ничего не помнила. Машины, как всегда, равнодушно скользили по Тверской к Маяковке, весело подсвечивали фарами, мигали стоп-сигналами. «О господи! – проговорила Катя. И еще раз: – О господи!» Но за ней, кажется, никто не гнался. Черный человек растворился в ночи – будто его и не бывало.

Катя остановила машину. Внутри все дрожало. Губы ее стискивали забытую сигарету. Она открыла дверцу и вышла из авто. Ноги подгибались. На секунду ей показалось, что она вот-вот грохнется в обморок, поэтому до крови закусил губу. Руки вцепились в полураскрытую дверцу. Пытаясь сдержать слабость, Катюша принялась разглядывать обшивку любимого «фиатика».

На левой стойке явственно было видно пулевое отверстие – черная дырочка со стального цвета краями.

Глава 1

Доцент, очаровательная и голубоглазая

Павел, Москва, 6 января

В православный сочельник в России работают только продавцы винно-водочных товаров, трудоголики и акушеры.

Ни к одной из вышеперечисленных категорий населения я не принадлежал. И ни за что не приехал бы сегодня в офис, но вчера почти в полночь мне домой позвонила давняя клиентка (и, можно сказать, боевая подруга) Таня Садовникова. Я оказался нужен. Срочно нужен. Хорошей знакомой Тани требовался надежный и умелый частный детектив. По мнению Татьяны, под эти определения я подпадал. И она меня рекомендовала. Спасибо ей, конечно. Но этого мало. Она вдобавок договорилась – от моего имени! – что новая клиентша прибудет в мой офис сегодня в одиннадцать ноль-ноль.

В одиннадцать ноль-ноль в сочельник. Не самое веселое занятие в канун Рождества – выслушивать обиженных кем-то дамочек!..

Часы показывали четверть двенадцатого. Клиентка запаздывала. Я коротал время, просматривая дела минувшего года, и отправлял содержимое папок в мусорную корзинку. Аппарата для уничтожения документации в моем оргтехническом арсенале нет. Позже Римка сожжет старые бумаги на заднем дворе.

Дело о черном шахматном коне... К черту!.. Дело Тани Садовниковой – Бориса Барсинского... Порвать и выбросить!.. Дело «Золотой ключик»... Дело об особняке без окон... В корзину!..

Римка – моя секретарша, автоответчик и кофевар (интим не предлагать!), как всегда по утрам, красила ногти. Обычно она делает это стыдливо. Сегодня же занималась сим процессом не только не таясь, но, я бы даже сказал, вызываясь. Весь ее вид словно говорил: «Раз уж, Пашенька, сегодня, в канун Рождества, я так понадобилась тебе – терпи! И запах лака терпи, и мои косметические процедуры!»

Тут дверь офиса растворилась, и в контору вошла девушка. Точнее сказать, молодая женщина лет тридцати от роду. Она была просто, неброско, но, очевидно, дорого одета. На ее черных волосах и на коротком модном пальто блестели капельки дождя. (Рождество нынче выдалось кислым, теплым.) Лицо посетительницы не было особо эффектным – если вы, конечно, поклонник карамельных плэйбойских блондинок. Но если вы настоящий ценитель гармонии – в женском лице, душе и сердце, – вам, как и мне, стала бы оче-

видной ее неброская, необычная красота. Главным украшением лица гостьи оказались глаза. Большие, глубокие и, я бы сказал, не по летам мудрые. И еще – они были голубыми. В сочетании с короткими жгуче-черными волосами незнакомки получалось удивительное, контрастное зрелище. В наши годы достижений косметологической промышленности не проблема придать прическе нужный окрас; легко также вставить цветные линзы – но я отчего-то уверился, что колер ее волос и глаз был естественным, природным. Черноволоса и голубоглаза... Это приковывало внимание. Кроме того, обращали на себя внимание губы девушки: они были чувственными, яркими, полными. «Счастливец, – против воли подумалось мне, – тот, кто имеет право каждодневно принимать к ним!»

– Вы – Павел Синичкин, – глядя на меня в упор, утвердительно сказала посетительница. Голос ее был низковат – я бы даже сказал, чуть хрипловат, но это придавало ей дополнительный шарм.

– Так точно, – вздохнул я, прекратив разбор архивов и протянув девушке свою визитную карточку. На ней значилось:

Детективное агентство

«ПАВЕЛ»

А ниже, в углу, гораздо более мелким шрифтом:

*Павел Синичкин,
частный детектив
лицензия №.....*

Все-таки для работника в некотором роде правоохранительных органов у меня была крайне неподходящая, легкомысленная фамилия. Честно скажу, я ее стеснялся.

Незнакомка, в свой черед, достала из маленькой черной сумочки визитку и передала ее мне через стол.

На карточке значилось:

Екатерина Сергеевна

КАЛАШНИКОВА

доцент кафедры английского языка

Московской государственной

лингвистической академии,

кандидат филологических наук

- Римма, кофе – гостье! – прокричал я. – И вешалку!
- Чай, – поправила меня Екатерина Сергеевна.
- Чай – гостье! Вешалку! И конфеты!
- Конфет – не надо. Чай – без сахара.

Римка вышла из своего закутка и отобрала у очаровательной доцентши пальто. Я указал ей на стул для посетителей. Екатерина Сергеевна села.

Римка принесла ей чашку чаю, а мне, как всегда, крепчай-

шего кофе. Метнула в мою сторону оскорбленный взгляд. На этом, похоже, ее сегодняшние обязанности закончились. Поэтому ее уничижительный взор как бы говорил: и ради того, чтобы подать ей чаю, ты вытащил меня с заснеженной дачи в Абрамцеве, от друзей и подруг! Удивительно много, черт возьми, берут на себя современные секретарши! Я ответил Римке более чем суровым взглядом.

– Я бы попросил вас, Римма, – официальным тоном сказал я, – продолжить разборку и уничтожение архивов за прошлое столетие.

Когда дверь, ведущая в Римкин закуток, закрылась, я сказал весьма мягко голубоглазой филологине:

– Чем могу быть вам полезен?

Екатерина Сергеевна Калашникова рассказала о вчерашнем происшествии на перекрестке у кинотеатра «Пушкинский». Говорила она с характерными для преподавателя интонациями, ясно формулировала свои мысли. «Похоже, студенты ее обожают, – невольно подумалось мне по ходу рассказа, – а кое-кто из них, верно, в нее даже влюблен».

– И чем же, по-вашему, я могу быть вам полезен? – спросил я, когда прекрасная доцентша закончила свой рассказ.

– Вы же – детектив... – несколько удивленно протянула госпожа Калашникова.

– Видите ли, уважаемая Екатерина Сергеевна, если вы считаете, что вам угрожает опасность, и хотели бы, чтобы я

обеспечил вашу круглосуточную охрану, – вы обратились не по адресу. В моем агентстве просто нет сил, потребных для этого. Да подобное мероприятие к тому же, прямо скажем, не из дешевых...

Она сделала отрицательный жест.

– Если же вы желаете, – продолжил я, – чтобы просто был найден злоумышленник, – за это можно взяться. Если мы с вами, конечно, столкнемся о цене.

Филология своим грудным, хрипловатым голосом сказала, что она, конечно же, предпочитает последний вариант.

Я удовлетворенно кивнул.

Далее между нами последовал небольшой торг. Затем мы заключили устное соглашение, о деталях которого я распространяться не буду. Они интересны только налоговой инспекции.

Екатерина Сергеевна сразу же передала мне аванс и деньги на текущие расходы (наличной «зеленью»). Я бросил доллары в сейф. С этой минуты госпожа Калашникова стала моей клиентшей.

– Ваш рассказ был вполне удовлетворителен и исчерпывающ, – сказал я, – однако позвольте задать вам несколько дополнительных вопросов... – Я заметил, что сам невольно перехожу на преподавательскую лексику: неужто магия ее голубых глаз и чуть хрипловатого голоса столь сильна? – Но, может быть, еще чаю?... – прервал я сам себя.

– Нет, спасибо.

– Римма, мне еще один кофе!

– Да, Павел Сергеевич, – пискнула Римка за перегородкой.

Пока готовился кофе, я начал опрос пострадавшей:

– Итак, после всего происшедшего вы остановились на Тверской. Осмотрели машину. Убедились, что в вас стреляли... Вы обратились в милицию?

– Нет. А зачем?

– Что вы делали, когда обнаружили пулевое отверстие? Поподробней, пожалуйста.

– Я... Я выкурила сигарету... Затем завела мотор и поехала домой... Ну, а дома... Дома рассказала обо всем мужу... Он убедил меня обратиться к частному детективу... Затем напоил меня снотворным и отправил спать.

– А сегодня?

Она пожала плечами.

– Мы с ним поехали к вам.

– Так где же ваш муж?

– Сидит в машине. Проверяет курсовые. Там хорошая печка.

– Вы ему не доверяете? – резко спросил я.

Она ответила мгновенно:

– Доверяю. Но стрельба в меня – это *жемое* дело, верно?

– Я могу осмотреть машину?

– Конечно. И познакомиться с мужем – тоже.

– Хорошо. Но это, если не возражаете, чуть позже... Еще

вопрос... Кажется, вас там, на перекрестке, поджидали... Кто мог знать, что вы именно в тот час окажетесь именно в том месте?

– Я каждый день этим путем езжу после занятий домой... А в какое время у меня заканчивается пара или экзамен с консультацией – мог знать любой мой коллега... Или – любой студент... Или – тот, кто не сочтет за труд зайти в институт и посмотреть расписание...

– Где вы работаете? Территориально?

– На Сретенском бульваре.

– А живете?

– В Петровско-Разумовском переулке. Недалеко от метро «Динамо».

– Вы всегда ездите домой из института одним и тем же путем?

– Как правило, да.

– Могу я попросить вас в дальнейшем изменять свой маршрут?

– А вы считаете, что... – она сделала короткую паузу, словно не могла с ходу выговорить следующее слово, – что... *покушение* может повториться?

– Береженного бог бережет... – неопределенно сказал я. – У вас в вузе есть охрана?

– Весьма номинальная.

– Далеко ли вы паркуете машину от вашей академии?

– Как когда.

– А от своего дома?

– У нас есть платная стоянка. Метрах в ста от подъезда.

– Есть ли в вашем подъезде консьержка?

– Да.

– Вы не могли бы какое-то время оставлять ваш автомобиль под окнами дома?

– Могла бы... Вы думаете, все так серьезно?

– Я пока ничего не думаю... Но я хотел бы получить свой гонорар от вас лично – живой и невредимой. – Я внимательно посмотрел в ее голубые глаза. – Я достаточно ясно выражаюсь?

– Вполне.

– Ну и славно! Теперь перейдем к вашему незнакомцу с пистолетом. Опишите его как можно подробней.

– Я же вам говорила: он был в маске. И видела я его только полсекунды.

– Рост?

– По-моему, около ста семидесяти. А может, и выше.

– Может, сто восемьдесят?

– Может быть.

– Возраст?

– Понятия не имею.

– В чем он был одет?

– В чем-то черном... Пальто... Длинном плаще... Что я могла увидеть?!

– Это был мужчина? Или женщина?

Секундная заминка. Екатерина Сергеевна, казалось, с некоторым удивлением прислушивалась в этот момент к собственным воспоминаниям.

– Я даже не думала об этом... – наконец проговорила она. – Но, кажется, это был мужчина...

– Вы – наблюдательная современная женщина не смогли – по походке, по движениям – отличить мужчину от женщины?!

– Я же говорю: я видела его краем глаза...

– Но вы все время употребляете мужской род: «*его*»... Значит, это все-таки был мужчина?

– Скорее – да. Но теперь я не уверена.

– А может быть, что-то в движениях, пластике этого человека показалось вам знакомым? Может, вы видели эту *фигуру* раньше?

Она прикрыла глаза и сосредоточилась, вспоминая.

– Нет, не видела... Но я не уверена... Кажется, не видела... Понимаете, на бульваре было темно... И я видела *этого человека*, – на этот раз она употребила неопределенный род, – от силы полсекунды... И, честно говоря, очень испугалась...

Было видно, что воспоминание о покушении все-таки не на шутку взволновало голубоглазую доцентшу. Она извинилась и попросила разрешения закурить. Разрешение было получено. Я достал из стола и подвинул ей пепельницу. Она закурила сверхлегкий «Кент» – баловство, а не сигареты.

– Хорошо, – сказал я, делая отстраняющий жест, – оставим пока этого человека... Вы не могли бы сказать мне, уважаемая Екатерина Сергеевна, как вы думаете: есть ли у вас враги?

– Не знаю... – Она глубоко задумалась. Потом решительно проговорила, глядя мне прямо в глаза: – До вчерашнего дня я считала, что – нет.

– А как вы считаете: кому была бы выгодна ваша, м-м, безвременная кончина?

По реакции посетительницы я понял, что над этим вопросом жертва покушения думала – возможно, мучительно – все сегодняшнее утро. Екатерина Сергеевна усмехнулась и посмотрела мне прямо в глаза своими бездонно-голубыми глазами:

– Двум старшим преподавателям с нашей кафедры. Один из них побыстрее мог бы стать доцентом.

– Как их фамилии? – я наострил карандаш.

– О господи!... Это шутка – если вы не поняли.

– И все-таки?

– Вы что, станете их допрашивать?

– Екатерина Сергеевна, пожалуйста.

– Их фамилии – Терещенко и Вознюков. Но я бы очень не хотела, чтобы на кафедре стало известно о... – она подбирала формулировку, – словом, о моих проблемах.

– Понимаю. Очень хорошо понимаю. Не извольте беспокоиться.

– О вас мне дали самые лестные аттестации.

– Прошу не сомневаться, я их оправдаю... Продолжим, если вы не устали?

– Your welcome,¹ – утомленно-снисходительно проговорила кандидат филологических наук.

– Я повторю вопрос: кому еще была бы выгодна ваша смерть?

Я спросил быстро, отрывисто. С этой девушки определенно надо было сбить спесь: пожалуй, она слишком привыкла помыкать своими студентами. И, наверно, мужем. Мне эти штучки не нравились.

– Не знаю.

Она ответила полуутомленно, чуть прикрыв глубокие глаза.

– Кто наследует ваше имущество в случае вашей смерти? Муж?

– Пожалуй, что нет. – Она задумчиво покачала головой: похоже, она уже успела, за вчерашний вечер и сегодняшнее утро, обдумать, в числе прочих, и эту версию покушения. – Или, если наследует, то с большими сложностями. Мы с ним не расписаны. Живем в гражданском браке.

– Давно живете?

– Около восьми лет.

– Совместно ведете хозяйство?

– Да.

---

¹ Пожалуйста (англ.).

– Вполне достаточно... Я имею в виду – времени вполне достаточно, чтобы суд признал вашим наследником именно его... А другие наследники?.. Дети?

– У меня нет детей.

– Родители?

– Отец умер... А мама... Ну, это смешно...

– Братья, сестры?

– Отсутствуют... Беда вся в том, мой дорогой Павел Сергеевич *Мегрэ*, – она усмехнулась, – что у меня *ничего* наследовать.

– А квартира?

– Двухкомнатная, далеко не в центре. Рыночная цена – не больше шестидесяти тысяч долларов.

– Убивают и за сто рублей.

– Да, – усмехнулась она, – столовым ножом, по пьянке...

Но не вырядившись в маску, не вооружившись пистолетом, не вычислив маршрут жертвы!

В ее голосе впервые прозвучали панические нотки. Что ж, не так плохо, прежде всего для нее самой: чтобы она слегка испугалась.

– У вас есть деньги на счету? – продолжал я давить на посетительницу.

– Минус четыре тысячи долларов, – усмехнулась она.

– Как это понимать?

– Долг за машину, – пояснила клиентша.

– Скажите, может быть, вам угрожали?

– Нет-нет, – поспешно, пожалуй, чересчур поспешно ответила госпожа Калашникова. – Мой кредитор – интеллигентный человек. И очень богатый. Для него эти четыре тысячи ничего не значат.

– Можно узнать, кто он?

– О боже!.. У меня такое ощущение, что вы, господин частный сыщик, лепите в белый свет как в копеечку – авось попадете в вальдшнепа!..

Она жестко глянула на меня.

Ну, мы справлялись и не с такими методами психологического (и не всегда только психологического) воздействия. Я спокойно выдержал ее взгляд и размеренно произнес:

– Уважаемая Екатерина Сергеевна! Вы являетесь моим клиентом. Вы платите мне деньги – на мой взгляд, немалые – за то, чтобы я нашел человека, стрелявшего в вас. И тем самым оградил бы вас от опасности, которая, возможно, вам все еще угрожает. Позвольте мне спрашивать вас то, что я считаю нужным спрашивать. И позвольте посоветовать вам – на то время, пока действует наш контракт, – поступать так, как я вам рекомендую.

В ответ на мою тираду она промолчала. Раздавила сигарету в пепельнице. Я воспринял ее молчание как знак согласия.

– Итак: имя вашего кредитора, – спокойно продолжил я.

– Шеляринский. Иван Исаакович Шеляринский.

– Тот самый?

– Тот самый.

Шеляринский был одним из тех, кого отечественная пресса полюбила в последнее время величать «олигархом». Четыре тысячи долларов были для него и в самом деле карманными деньгами.

– Откуда вы знакомы с Шеляринским?

– Мы учились с ним в одном классе.

– Вам можно позавидовать... Он дал вам деньги без каких-либо дополнительных условий?

– Я с ним не спала. И спать не собираюсь, – жестко сказала она. – Если вы это имели в виду.

– Вы отвечаете на вопросы, которых я не задавал...

Калашникова слегка покраснела.

– Вы не возражаете, если я осматрю вашу машину? – продолжил я.

– А что, наш разговор уже закончен?

– Почти.

Мне показалось, что она вздохнула с облегчением.

Я встал. Очаровательная доцент тоже поднялась.

Я вышел в крошечный предбанник своего агентства. Достал из гардероба и подал Калашниковой пальто. Надел свою куртку.

– Будут звонить – перекинь на мобильник, – приказал Римке.

– Хорошо, Павел Сергееч.

Она, без сомнения, слышала сквозь тонкую перегородку, о какой сумме мы столковались с клиентшей, и теперь изо

всех сил демонстрировала Екатерине Сергеевне свое секретарское послушание передо мной, великим.

Мы вышли в пустынные коридоры института «Энергопроект», который сдавал мне – и трем десяткам других фирм – помещение под офис (посему, замечу, его сотрудники могли не утруждать себя работой в сочельник). Молча спустились на первый этаж, вышли на улицу: Калашникова впереди, я чуть сзади. Поэтому в полной мере смог оценить ее ножки.

У входа в институт стояло всего две машины: моя «восьмерка» и «Фиат Пунто» оранжевого цвета. Не пришлось применять дедуктивный метод, чтобы догадаться, что это – авто моей собеседницы.

На переднем пассажирском кресле «Фиата» сидело нечто очкастое мужского пола.

– Ваш муж не водит машину? – спросил я между делом, пока мы шли к автомобилю.

– Он не по этой части, – сухо отвечала прекрасная амазонка.

Мы подошли к авто вплотную. Муж гражданки Калашниковой быстро просматривал листы, испещренные формулами. Временами он делал в них пометки красным карандашом. По меньшей мере половина знаков из тех, коими были исписаны листы, были мне незнакомы. В машине из всех сил надрывался радиоприемник: голосила Патрисия Каас.

Очаровательная доцент постучала костяшками пальцев в боковое стекло. Гражданский муж сигнала не расслышал.

Еще раз – отрывистой, нетерпеливой. Мужчина оторвался от бумаг. Лицо его при виде супруги расплылось в улыбке. Он вырубил голосистую француженку, швырнул на водительское сиденье листы с формулами и принялся выбирать-ся из машины, явно для него тесной.

Когда муж госпожи Калашниковой наконец покинул сиденье и выпрямился во весь рост, он точь-в-точь напомнил мне карикатурный образ ученого – каким его рисовали старые советские фильмы (и до сих пор рисуют голливудские). Лет тридцати пяти – сорока. Молодой, но уже изможденный наукой. Нескладный, очкастый, с залысинами, с криво висящим галстучком. Он настороженно улыбнулся мне.

– Познакомься, – полуофициально проговорила голубоглазая доцентша, – это Павел... э-э... Павел Сергеевич, детектив.

– Оч-ч приятно, – протянул руку нескладеха.

Я пожал ее. Так называемый муж оказался ростом около метра семидесяти пяти – то есть вполне подходил на роль преступника.

– Частный детектив осмотрит нашу машину. – А это, – госпожа Калашникова продолжила процедуру представления, кивнув на ученого, – Андрей Витальевич Дьячков, мой супруг.

– Вы, судя по всему, обогнали супругу в ученых званиях, – сказал я любезно.

– Да, я – профессор, – бесхитростно отвечал господин

Дьячков.

– И, наверное, к тому же доктор физико-математических наук, – я кивнул на листочки, валяющиеся в машине: на них червяками извивались интегралы.

– Кандидат. Технические наук, – столь же любезно отвечал муж голубоглазой доцентши.

– Вы не рассчитали между делом траекторию пули, попавшей в машину? – светским тоном осведомился я.

– Нет! – быстро ответил профессор, не поняв – или не приняв? – моего юмора.

– Тогда позвольте мне. Эмпирическим путем.

Я обошел автомобиль кругом.

В левой стойке малолитражки в самом деле оказалось отверстие, похожее на пулевое.

Насколько я разбираюсь в физике, пуля должна была прошить буржуинскую жесть насквозь, а затем (машина-то, судя по показаниям клиентши, в момент выстрела двигалась) угодить в заднее правое боковое стекло. Ну, а потом посшибать еще парочку «Мерседесов» на Страстном бульваре.

Однако заднее стекло «Фиата» осталось невредимым, и я стал отыскивать смертоносную штуковину внутри машины (если она, конечно, там осталась). Невенчанные супруги в это время о чем-то тихо переговаривались, стоя у капота «Пунто». До меня донеслось только произнесенное хрипловатым голосом Екатерины Сергеевны: «По-моему, он – профессионал...» И хотя я ничуть не сомневался, что клиентша

усилила громкость этой фразы специально для моих ушей – мне, не скрою, было это приятно.

Когда я наконец нашел внутри «Фиата» пульку, мне стало ясно, что разговоры западных автофирм о пассивной безопасности автомобилей – далеко не рекламный трюк. Свинцовая смертоносная гадина попала в боковую стойку примерно на уровне головы водителя; внутри стойки она, видно, изменила направление. Поблуждала там и вылетела вовнутрь машины уже сантиметров на сорок ниже и под другим углом. В завершение своего путешествия, изрядно сплюснутая, пуля попала в заднее сиденье.

Я выковырял ее из поролона. Определить марку оружия, из которого производился выстрел, я с налету не мог. Я оперативник, а не эксперт. Однако, если понадобится, за экспертизой в ЭКЦ,² где у меня служит парочка друзей, дело не станет. Я развернул имевшийся у меня в кармане презерватив. «Для чего ты всегда носишь с собой столько презервативов?» – порой кокетливо спрашивают меня девочки; я отвечаю: «Для хранения вещдоков». Они хихикают, а ведь я говорю чистую правду. Я поместил внутрь кондома сплюснутую пульку. Перед парочкой Калашникова – Дьячков свою находку я афишировать не стал, посеми еще на карачках, в полутьме машины, сунул вещдок в карман куртки.

Когда я выполз на свет божий, голубоглазая Екатерина Сергеевна с любопытством спросила меня:

---

² Имеется в виду Экспертно-криминалистический центр МВД России.

– Ну, нашли что-нибудь?

– Нет. Но, кажется, в вас в самом деле стреляли.

Калашникова криво усмехнулась:

– Я как-то в этом не сомневалась.

– И последний вопрос, – сказал я, предчувствуя, что этот вопрос – далеко не последний.

Мы вдвоем стояли подле оранжевого «Фиата Пунто», под начавшимся мелким дождичком влажного Рождества.

– Вы, Екатерина Сергеевна, упоминали, что *фигура*, стрелявшая в вас, перед выстрелом проговорила что-то вроде: «Это тебе за Настю!» Это имело какой-то смысл?

Калашникова отвела глаза и тихо, но твердо произнесла:

– Да.

Глава 2

Смерть под рождество

*Катя Калашникова, 24 декабря,
католический сочельник*

(за две недели до описываемых событий)

Катюша с Андреем прибыли первыми.

Особняк Вальки Лессинг, в девичестве Крюковой, помещался по Алтуфьевскому шоссе всего в семи километрах от Кольцевой автодороги. Правда, последние двести пятьдесят метров пути приходились на зимник. Катюшин «фиатик», сконструированный для езды по разным там виа де Венеттам, дважды зарывался носом в снега. Андрею приходилось вылезать из машины и подталкивать ее в толстенькую попку. Катюша в это время газовала. Визжали покрышки, стонало сцепление... Пальто профессора все уделали снежными брызгами... Наконец, когда смеркалось, подкатили к особняку.

Ворота были не заперты. Валентина Лессинг-Крюкова

отличалась удивительной беспечностью. Андрей вышел из «Фиата», распахнул створки ворот. Катюша въехала во двор и впоролась в снег уже окончательно. Мотор заглох; Катя махнула рукой: «А, ладно, завтра мужики всем миром вытащат».

Катюша посигналила – и только тогда на крыльце появилась Валентина.

Валюха была в полнейшем растрепе. Нечесанные волосы, провисшие на коленках треники, немыслимая куртка, валенки. Трудно было поверить, что это – супруга преуспевающего германского бизнесмена, а в ее гардеробе имеются как минимум три шубы и не менее пяти пар изящнейших сапожек. Не считая, конечно, вечерних туалетов и несметного количества нитей жемчуга, золотых и платиновых колец, серег, браслетов и брошей, украшенных бриллиантами, топазами и изумрудами.

Однако когда Ганс-Дитрих пребывал (как нынче) в отъезде, Валентина Лессинг-Крюкова ходила в доме и на участке совершенной распустехой. И даже визит гостей не стимулировал ее причесаться, приодеться и сделать маникюр. Точнее, если бы в гости пожаловали *чужие* – к примеру, деловые партнеры герра Лессинга, – Валя предстала бы перед ними во всей красе: в вечернем туалете, блистая очами и драгоценностями. Но Катюша вместе с Андреем были занесены Валентиной в категорию *свои* – а раз так, что толку беспокоиться!..

Судя по туалету Вали, прочие гости, ожидавшие сего-дня, также считались *своими*.

– Ну, дай я тебя поцелую, подруга, – Валентина обняла Катюшу. Сначала, играя на публику – на Дьячкова то есть, – троекратно ее облобызала. Потом прижала к себе, уткнулась носом в Катино пальто. Прошептала еле слышно: «Соскучилась я... Жуть прям». Наконец выпустила Катю из объятий. Сияя глазами, обратилась к Андрею:

– Иди ко мне, мой любимый.

Потрепала его по щечке и чмокнула прямо в губы. Затем сказала: «Вкусно целуешься, гад», оттолкнула профессора и громко спросила:

– Ну, что вы привезли?

– Какая ты меркантильная, Валюха! – со смехом проговорила Катя. – Не успели приехать, а ты сразу: что привезли?

– Дурочка! Я ж не к тому, что мне от вас чего-то надо! Просто, хватит ли еды, выпивки? Может, надо в город смотаться?

– Ну, на мне ты далеко не уедешь, – усмехнулась Катюша. – Я тут у тебя так в снег впоролась – завтра всей командой будем «пунту» мою вытаскивать.

– Ничего: если что, сходишь со *своим*, – Валя кивнула на Андрея, – в магазин пешочком. Тут недалеко, километра два.

Катя округлила глаза. Андрею показалось: сейчас она ляпнет что-нибудь резкое. Но жена сделала усилие и проглотила

колкость. Засмеялась:

– А что, надо будет – и сходим. Прогуляемся.

И, без перехода, Катя добавила:

– Язва ты, Валюха! Отвыкла я от тебя.

– Ничего, привыкай, – приказала Валентина.

Андрей, пока подружки пикировались, прохаживался по участку. Протирал потеющие очки, запрокидывал голову на вековые сосны.

– Эй, господин профессор, – окликнула его Валюха, – давай выгружай пищу.

Профессор безропотно отправился к багажнику и принялся таскать из «Фиата» в дом, на кухонный стол сумки с едой и выпивкой. Валюха без стеснения осмотрела содержимое сумок и осталась, очевидно, удовлетворена. Гости привезли три литровые бутылки водки, бутылъ «Мартины», граммов триста развесной красной икры в пластиковой плошке, кусок белорыбицы и нарезку семги. Кроме того, Андрей отташил в дом кастрюлю с собственноручно приготовленным салатом из креветок с яблоками и ананасами. После этого «господин профессор» с чувством выполненного долга отправился вновь бродить по участку, очевидно, наслаждаясь и морозным воздухом, и хлопьями снега, которые падали на его непокрытую голову, лицо и очки.

Женщины остались в доме, в огромной кухне, плавно перетекавшей в гигантскую гостиную. Было так тепло, как бывает только в загородном доме, куда приходишь с морозца.

Потрескивали дрова в камине, перед очагом лежала шкура белого медведя.

– Так, хлеб я купила, – хозяйка вслух принялась размышлять над провизией, разложенной на столе. – Холодец готов, оливье сделала... Овощи есть... В морозилке – грибочки... Знаешь рецепт? Собираешь осенью грибы, отвариваешь, потом заливаешь топленным маслом – и в морозилку... Стоят хоть до Нового года, хоть до Первого мая...

– Рецепт-то я знаю, да собирать некогда, – отвечала Катя. – Один раз за всю осень выбрались...

– Пусть твой профессор собирает. Он-то и готовить любит...

– А у него тоже по субботам-воскресеньям ученики...

– Ученики-ученики, – проворчала Валентина, задумчиво обзвывая продукты. – Гимназистки румяные... Так, что еще?... Настька обещала привезти шашлык на всех... Хватит! – решительно произнесла Валя. – Я думаю, всего хватит.

– А Настена будет одна? – полюбопытствовала Катюша.

– Кто ж ее знает! Одна – не одна, с девочкой – с мальчиком... Это ж Настя!.. Она партнеров меняет чаще, чем ты – колготки!..

Злой язычок был отличительной чертой фрау Валентины Лессинг-Крюковой.

– Фомич притаранит еще выпивки... – продолжила ревизию Валя.

– Ты и его позвала?

– А почему нет? Всех – так всех.

– И Мэри?

– А что делать! Договорились же: встречаемся все вместе, командой.

– Ну, ты рискуешь...

– Ничего, в доме я ей блевать не дам... И хулиганить не дам. Если что – живо на мороз... Вот ей я как раз ничего привозить не заказывала, – продолжила кулинарно-гостевой обзор хозяйка. – Что с нее взять!.. Сама б доехала! А то заснет, как в прошлый раз, на вокзале!

– Она по-прежнему пьет? – спросила Катя.

– А кто ее знает! – в сердцах проговорила Валентина. – Она то пьет, то не пьет... Да только, когда не пьет, ума у нее еще меньше... Ладно, черт с ней – пусть и она приезжает... Хоть посмотрит, в каких домах *люди* живут, на каких машинах ездят...

– ...как одеваются... – не преминула слегка уколоть Валентину Катюша.

– Хочешь, я своего песца надену? Хочешь? Или чернобурку, что мне в прошлом году Ганс-Дитрих, черт нерусский, подарил? Хочешь? Специально для нее?

– Да ладно, Валюха, не заводись, – охлонила подругу Катюша. – С нее и дома твоего хватит.

– Вот именно, – проворчала Валентина. – Почему-то как встречаться – все ко мне ездят, а не к тебе в твою «двушку». – Валя нанесла подруге ответный укол.

Но Катя на уколы не реагировала. Вспомнилось старое, еще аэродромное, правило: когда Валька начинает ворчать, лучше молчать, в пререкания не вступать. Поэтому Катя спокойно продолжила:

– Я ж не о доме говорю. А о том, что ты, мать, рискуешь. Будешь в таком виде бродить перед своим Лессингом – бросит он тебя.

– А где ты тут видишь Лессинга?.. Лессинг, ау!.. Нету его! Не-ту-ти!.. Рождество у мамочки встречает, в Кельне... А если ему так захочется, – ухмыльнулась Валя, – пусть меня бросает, фашистская морда... Пусть! Дом записан на меня, машины обе – на меня... Пусть бросает, Лили Марлен себе ищет...

Валентина слегка понизила голос:

– Надоел он мне, Катька, сил нет! Когда он там у себя – я прямо отдыхаю... Такой ведь он жмотина, такая жадина-говядина – пустая шоколадина – я от него просто чумею... Представляешь, он, фашист проклятый, когда здесь бывает – каждый вечер проверяет мои счета. Все записывает, до копейки. И каждый вечер зудит: «Ти много потратиль... На оптофый рынок хлепп стоить на дфенадцать пер сент дешеффле, чем ф магассин...»

Катюша рассмеялась: подруга передразнила немецкий акцент собственного супруга очень похоже.

– Я раз, когда он здесь ошивался, к мамане поехала, она приболела тогда... – продолжила ободренная Катиным сме-

хом и участием Валентина. – Ну, навестила, навезла ей там апельсинчиков, аспирина, «доктора Момма»... Рублей на сто, что ли... Так он мне, херр этот Лессинг, вечером и говорит: «Зашшем ты платить столько своих руппелей на мамма? Ты долшшен пиль брать у ее ф фидде компенсаций ее тениги...» Тьфу! Говнюк!.. Я ему этот счет в рожу швырнула!..

Катя улыбнулась.

– И, главное, он и Миньку таким же сквалыгой делает, – с горячностью продолжала Валентина. – Спрашиваю тут его: что тебе, Минечка, подарить на Новый год? А он: подари мне, мамочка, семнадцать рейхсмарок – я буду себе на «Феррари» экономить!.. И ведь именно семнадцать ему, дьяволенку, рейхсмарок понадобилось! Откуда он цифру-то взял?!

– Где он сейчас-то? – спросила Катя, имея в виду Миньку, по паспорту Михаэля, – шестилетнего сына Валентины и Лессинга.

– С отцом он, в Кельне, у фашистской свекрухи... Ладно, пусть погостит. Они его хоть своему «орднунгу» поучат – а то он тут у меня совсем распоясался...

Обсуждение семейных дел, в которое грозило перерасти затеянная было подружками ревизия провианта, прервалось отчаянным бибиканьем автомобиля.

Дамы выскочили на крыльцо.

Обогнув завязший у калитки «фиатик», к самому крыльцу особняка лихо подрулил небольшой джип.

С водительского сиденья выскочила маленькая, чернявая, стильно одетая дамочка.

– Ну ты еще давай мне прямо в дом въехай! – грубовато поприветствовала новую гостью Валюха.

– Неси сходни – въеду в дом, – не полезла за словом в карман вновь прибывшая.

– Сходни тебе... – проворчала Валентина. – Давай угоняй машину назад к воротам, будешь тут мне в дом коптить своим це-о-це-аш!.. – И тут же, без перерыва, радушно промолвила: – Ну, здравствуй, подруга, здравствуй, Настена, – наконец-то ты ко мне доехала!

Третья подружка поднялась на крыльцо и поочередно расцеловалась с Валентиной и Катюшей.

– Здорово, Настюха! – откуда-то с просторов участка заревел Катин муж. Он пошел к дамочке с распахнутыми объятиями. Настя рассеянно чмокнула профессора в румяную щеку.

– Давайте быстро выгружайте из багажника шашлык, – распорядилась новая гостья. – Боюсь, как бы он у меня по дороге не замерз. Мясо-то парное.

– В лимоне вымачивала? – ревниво спросил Андрей. – Или в уксусе?

– В лимоне, в лимоне, господин шеф-повар, – успокоила Андрея Настя.

– Вина добавляла? – не отставал Дьячков.

– Добавила, зануда, добавила. Пять столовых ложек

«Шабли».

Все Катюшины подруги знали, что кулинария – хобби ее мужа и по части приготовления пищи он даст сто очков вперед не только Кате, но и Насте – обеим работающим женщинам. Одна лишь Валюха, домохозяйка со стажем, могла на равных соперничать с ним в поварском искусстве.

Андрей потащил кастрюли с шашлыком в дом, а три грации остались на крылечке: обниматься и ревниво разглядывать друг друга.

Настя Полевая, самая маленькая росточком и самая хрупкая среди подруг, сделала по сравнению с ними наиболее впечатляющую карьеру. У нее была собственная туристическая фирма, которой она уверенно управляла своей железной ручкой. Вот уже десять лет ее компания росла, расширялась, организовывала новые маршруты, вводила новые формы обслуживания и – богатели. Ни изменение конъюнктуры, ни кризисы, ни крахи банков, ни наезды налоговой полиции были ей, казалось, нипочем. Материальным свидетельством преуспевания Насти был и джип, на котором она прибыла, и особняк, недавно купленный ею на Мальте. Правда, обратной стороной Настиных производственных успехов явилась ее не слишком счастливая партикулярная жизнь. В общем и целом Настя была еще вполне хороша собой: худенькая, глазки сверкают, в ушах и на пальцах бриллианты, на плечи небрежно накинут норковый палантин... Но каждодневное плавание в водах русского бизнеса, среди акул и пираний,

давало себя знать. Хотя Настя была моложе и Кати, и Валюхи и следила за собой никак не менее тщательно, чем они, выглядела она постарше, чем товарки. Под глазами залегли мешки. Резкие морщины обрамляли рот. Седая прядь пробила в черной, как у грача, голове.

С мужеским полом у Насти тоже вечно были проблемы. Да и немудрено: кто, кроме полной тряпки, потерпит рядом с собой такую женщину: резкую, умную, волевою...

Вот и сейчас с пассажирского сиденья Настиного джипа «Киа-Спортэйдж» выползла некая бледная тень. Молодой человек, прибывший совместно с Настей, выглядел, несмотря на курчавую бороденку, лет на десять моложе ее.

– Познакомьтесь, – представила своего пингвина Настя. – Мой заместитель по фирме, Володя.

– Оч-ч приятно, – первым пожал руку молодому человеку Андрей Дьячков – Калашников (он, кулинарный хлопотун, собственноручно отнес в дом шашлык и снова возник на крыльце).

Катюша с Валюхой переглянулись: что, мол, за чудо в перьях Настена привезла, что за жиголо во плоти, – но тоже по очереди подали руки юноше.

– Давай, Настька, в дом – переодеваться, – скомандовала Валентина.

– Да, я надеюсь, у тебя найдется что-нибудь плохонькое, – прощebetала Настя Полевая. – Не хотелось бы в норке да по снегам... Мы прямо с работы...

– Дам, дам я тебе телогрейку... И валенки дам... А ты, профессор, – скомандовала Валентина, – давай расчищай снег, готовь очаг, таскай дрова... Потом можешь разводить костер – под шашлыки. Вон *юноша* тебе поможет, – хозяйка кивнула на спутника Насти, стоявшего безмолвно, как тень.

– Йес, мэм, – охотно откликнулся Дьячков.

– В баню потом пойдем? – спросила Валентина.

– А как же без бани-то! – пророкотал «господин профессор».

– Обязательно и всенепременно, – добавила Катя.

– Тогда я иду растапливать печку. А вы, девчонки, – Валя кивнула Кате и Насте, – идите занимайтесь продуктами. И сервировкой... Давайте-давайте, шевелитесь! Скоро Фомич приедет...

Настена и Катя переглянулись, фыркнули и исчезли в доме.

– Ну, вот: всех построила, – удовлетворенно проговорила сама себе Валентина, натянула валенки и пошлепала в сторону бани, стоявшей на отшибе, у самого забора.

Андрей переоделся в привезенные с собой старые сапоги и дворницкий тулуп. Взял в сарае снеговую лопату и брезентовые рукавицы. Наметил место для очага и принялся размеренно расчищать снег. Спутник Насти, *юноша*, прислонился к балясине крыльца и покуривал, сложивши ручки в наполеоновском жесте. В этом заключалась, видимо, в его понимании помощь по хозяйству.

Вернулась из бани Валюха.

– Печку я растопила, – доложились она Андрею. – Часа через три будет в самый раз. А мы пока за это время покушаем... Скажешь, когда надо будет шашлыки нанизывать, ладно?

– Скажу. Но пока еще не скоро, – откликнулся Андрей, продолжая махать лопатой. Лицо его покраснелось, очки он снял.

– А ты что тут стоишь, как тень отца Гамлета?! – бесцеремонно накинулась Валентина на *юношу*. – Пошли, дам тебе переодеться – и кирпичи ему, профессору, для очага таскай... А потом дрова принесешь – они там, у забора, в поленице. Ишь, дедушка на тебя работает – а ты стоишь, руки в боки!

Воистину Валентина была женщиной без комплексов. Андрей улыбнулся, продолжая помахивать лопатой. Ему понравилось, как Валюха *припахала* молодого человека – хотя, если быть точным, он годился юноше никак не в дедушки, а, скорее, в старшие братья.

Валентина исчезла в доме.

Пока Андрей расчищал площадку под очаг и пробивал к ней дорожку от крыльца, Настин *выюноша* молча и с видимым отвращением принес из сарая несколько кирпичей и снова застыл со скрещенными на груди руками.

Андрей организовал из кирпичей очаг – не большой и не маленький: как раз такой, чтоб угольям было тесно, а шаш-

лыку – просторно.

– Не могли бы вы помочь мне принести дровишки? – с изысканной вежливостью обратился Дьячков к Настинному спутнику.

– Пошли, – буркнул юноша.

Давно стемнело, но участок освещался яркими галогеновыми лампами (они размещались высоко на соснах), и от этого была видна каждая снеговая складочка, каждый след, оставленный на недавно выпавшем снегу.

Вскоре Андрей вместе с юношей возвратились с поклажей к очагу – Дьячков нагрузился едва ли не поленницей, а молодой человек нес по одному бревнышку в каждой руке.

Тут снова распахнулись ворота особняка, и во двор, рыча и газуя, въехала белая, далеко не новая «Волга ГАЗ-24». Водитель изящно объехал Катюшин «Фиат» и остановился метрах в пятнадцати от крыльца.

Затих мотор, погасли фары.

Андрей вынул из кармана очки, чтобы рассмотреть новых гостей, – он не был знаком с ними.

Первым из-за руля вылез седой и стройный человек. Он был экипирован по-походному – как это понимали в шестидесятых годах: брезентовая, почти белесая ветровка, из-под нее торчит толстый свитер. Синие тренировочные штаны с начесом. Ботинки-«говнодавы», поверх них высовываются белые шерстяные носки бабушкиной вязки. Издалека, да еще с неважным Андреевым зрением, «туристу», благода-

ря выправке и сухопарости, можно было дать не более сорока. И только когда он подошел к Дьячкову почти вплотную, тот увидел, что новому гостю скорее под шестьдесят.

– Иван Фомич, – дружелюбно представился водитель «Волги», радушно блеснув всеми своими тридцатью двумя сахарными зубами.

Андрей пожал его руку.

– Можно просто Фомич, – продолжил визитер.

– Андрей Витальевич, – улыбнулся «господин профессор», – я – муж Кати. Можно просто Андрей.

– Хорошего парня Катюха отхватила! – любезно, на правах старого дядюшки, промолвил Фомич, без церемоний оглядев Андрея.

Далее Иван Фомич пожал длань чахлому Володе. Осмотрел и его с ног до головы, однако комплиментов не сказал и *«просто Фомичом»* звать себя не позволил.

В этот момент распахнулась пассажирская дверца «Волги», и на свет появилась еще одна фигура – на этот раз женская. Одета она была в видавшее виды пальтишко. Сапоги также оставляли желать много лучшего. Лицо ее, как заметил Андрей, было довольно-таки потрепанным – и при этом несколько ярче, чем того требовала обстановка, покрашенным. Женщина подошла к Андрею, протянула маленькую красную руку без перчатки и кокетливо представилась:

– Мария.

– Оч-ч приятно, – проговорил Дьячков. – Наслышан. – И

слегка покраснел – то, чего он успел «наслышаться» о ново-прибывшей, было для нее не слишком лестным. Счастье, что на морозе его стыдливый румянец остался незамеченным.

– А вы Андрей – Катин супруг как бы? – столь же кокетливо осведомилась гостья.

– Точно так, – отвечал Андрей. Его слегка покорило словечко «как бы».

Тут на крыльцо высыпали наконец три подруги: первой выбежала маленькая, хрупкая, черная, как грач, Настя – руки, перепачканные шашлычным соком, она держала на весу. Второй Валентина – подруги все-таки заставили ее приче-саться, переодеться и сделать некое подобие макияжа. Тре-тьей – Катюша. «Она все-таки лучше всех», – в который раз подумал, взглянув на нее, Андрей.

– Фомич!.. Фомич!.. Машка!.. Ну, наконец-то!.. – напе-ребой заголосили подружки. – А как вы встретились?.. Ну, идите сюда, целоваться будем!..

После довольно-таки бестолковых объятий и поцелуев, все, включая новеньких, исчезли внутри особняка. Под шу-мок туда удалился и юноша, безмолвный спутник бизне-сменши Насти.

Андрей остался один во дворе. Он принес из сарая еще одну охапку дров. Наколлот топориком щепочек. И стал раз-жигать костер.

Хорошо было заниматься очагом морозным вечером, под тихим и темным небом. И делать это одному. Андрей любил

одинокчество. А совсем рядом, но как будто бы из другого мира, светили теплые огни двухэтажного особняка...

Андрей разжег костер – не без удовлетворения подумал, что ему удалось это сделать с одной спички. Первые пять минут (детство – самый напряженный момент в жизни любого существа, и огонь в этом смысле – не исключение) он безотлучно был рядом с ним, поддерживая и подправляя слабенькое пламя.

Тут из дома вышла Катя. Молча подошла к Андрею, обняла.

За судьбу костра уже можно было не опасаться. Алые языки вовсю лизали сложенные по-пионерски дровишки. Катя, прижавшись к Андрею, молча смотрела на огонь. Потом тихо сказала:

– А я видела, как ты его зажег. С одной спички.

– Ишь ты, глазастая, – польщенно усмехнулся Андрей.

– «Мне сверху видно все, ты так и знай...» – пропела Катьюша. – Нам Валька дом свой показывала.

– Ну и как?

– Хорошо, Андрюша, хорошо. Две ванны – вверху и внизу. С джакузи и биде. Внизу – гостиная, кухня – ну, это ты видел – и еще кабинет. Вверху – спальная, детская и три гостевые комнаты. Так что все поместимся... А на нулевом этаже – погреб, тренажерный зал и гараж на две машины. Две иномарки...

Андрей молчал, задумчиво глядя на огонь.

– Андрюш?

– А?

– А когда у нас такой дом будет?

– Когда ты начальником приемной комиссии станешь.

Или когда я Нобелевскую премию получу.

– А ты получишь?

– Конечно.

– Ну, тогда подождем.

Катя чмокнула Андрея в щеку и пошла назад в дом. По пути, обернувшись, сказала:

– А я все-таки начальником приемной комиссии быстрее стану.

– Поглядим! – беспечно воскликнул Андрей.

Дверь за Катюшей захлопнулась, и Андрей опять остался один.

«Кажется, тьфу-тьфу, не сглазить бы, – подумал он, – вечеринка обещает быть удачной». А ведь он не очень-то хотел сюда ехать. Андрею нравились мужские *сейшны* – с банькой, преферансом, спорами о политике и футболе, анекдотами и спонтанными состязаниями в остроумии. Нынешний междусобойчик был, по определению, *женским*.

Вечеринку организовали четыре подруги – Катя, Валюха, Настя и Мэри. Собрались в память о времени, когда они были очень молоды и отчаянны, когда они были *командой*. И Фомич (безусловно, симпатичный человек) тоже был из того их *прошлого времени*. А он, Андрей, вкупе с Настиным недо-

носском, оказывались на этом сборище *ни пришей, ни пристегни*. Но очень уж Катюшке хотелось (он видел это), чтобы он поехал с нею. Ей хотелось показать, что она не одинока, продемонстрировать Андрея подругам, *погордиться*. А это лестно, черт побери, что ты из тех, кем женщина может гордиться.

Андрей подкинул в очаг еще пару полешек. Костер полыхал вовсю.

«Трудно поверить, – подумал он, – что когда-то эти четыре девчонки, такие разные, собирались вместе каждые выходные. Жили в одной комнате. Ходили вместе в столовку. Выпивали. Кадрились с мужиками. – Да, черт возьми, наверняка кадрились – что-то об этом и в Катиных рассказах проскальзывало. – А самое главное: эти девушки были заняты тем, что прыгали с парашютом. Каждую субботу, всякое воскресенье. Все лето, всю зиму... (Только в осеннюю и весеннюю распутицу делали перерывы.) Прыгали по пять, семь, десять раз ежедневно. Неслись к земле со страшной скоростью, в бездонной выси... А по пути встречались в воздухе. Организовывали в полете всякие фигуры. По команде одной из них (а, кстати, надо бы спросить Катю, кто из них тогда командовал – Настя, наверное?..) рассыпались, разлетались в воздухе. Раскрывали парашюты. Приземлялись...»

Отчаянные головы! Слава богу, что все это у них позади! У Катюши, во всяком случае, позади. Слава создателю, угомонились, утихомирились.

«Я бы здесь, на земле, извелся, – подумал Андрей, – если бы Катя носилась где-то там, за облаками. От одной мысли все внутри холодеет... И почему им нельзя было заниматься каким-нибудь спокойным, благородным спортом: теннисом, плаванием, фигурным катанием?.. Нет: потянуло в облака. И ведь у каждой из них – по куче прыжков. У Кати, кажется, четыреста семьдесят восемь... У Мэри – того больше: вроде бы даже за тысячу. Она, по-моему, и до сих пор прыгает... Надо бы спросить, сколько там набралось у Насти и у Валентины... Тоже, наверное, под пятьсот... А у Фомича – вообще какая-то оглушительная цифра... Десять тысяч прыжков, что ли... Ну, это его жизнь... Его судьба!.. На то он и директор аэроклуба...»

На крыльцо из особняка вышла Валентина.

– Эй, костровой, – весело окликнула она Андрея, – когда угли будут? Шашлык мы нанизали. Народ уже жрать просит.

– Еще пятнадцать минут, – глянул на часы Андрей. – Да вы закусывайте пока.

– Ну, нет, мы без тебя не будем. И без шашлыков – тоже... Рюмочку тебе вынести?

– А вы там уже выпиваете?

– Естественно!

– Тогда тащи бутылку. Сухого, если есть.

– Есть сухое. Мэри какую-то гадость молдавскую притащила. Сейчас принесу. Валенки только надену.

Около восьми вечера компания наконец-то уселась за

стол. Валентина сервировала его в огромной гостиной.

Стол удался на славу. Валюха расстелила крахмальную скатерть – белее, чем в рекламе отбеливателей. Поставила сервиз из тонкого немецкого фарфора. Достала столовое серебро, богемского стекла фужеры, бокалы и рюмашки, накрахмаленные салфетки. Потушила верхний свет, зажгла не менее двух дюжин свечей. Кроме того, комнату освещал то глухо мерцающий, то вдруг вспыхивающий камин.

По центру стола располагались закуски. В интимном огне свечей и камина они выглядели еще аппетитней, чем обычно. Мерцали вазочки с красной и черной (привез Фомич) икрой. Вызывающе лоснились белые и красные ломти севрюги и семги. Искрился радужными пятнами холодец. Сиял изготовленный экзотический салат Андрея. Изнывало серебряное ведерко со льдом. Запотевшие бутылки дружным отрядом, плечом к плечу, притаились на углу стола.

В процессе приготовления пищи, а этим были заняты все, кроме Фомича и Настиного хахаля, компания уже успела распить бутылочку. Девушки, порой мешаясь и сталкиваясь друг с другом на огромной Валюхиной кухне, почистили и сварили картошку, поджарили грибы, заправили майонезом и сметаной салаты. Андрей колдовал на улице над шашлыками. Время от времени готовка прерывалась дружескими возлияниями. Поэтому к ужину все (за исключением, пожалуй, Настиного компаньона) пребывали в несколько приподнятом настроении. Казалось, публика – не исключая чужого,

в общем-то, в компании Андрея – заразилась неким вирусом веселья, добросердечия и взаимной любви. Реплики налетали одна на другую, смех раздавался порой без всякой причины. Один только Настин *выюноша* был далек от всеобщего благодушия, стоял близ камина в позе Чайльд Гарольда, порой криво усмехался и пощипывал себя за бородавку.

– Садимся! Садимся! Садимся! – троекратно прокричала Валюха. – Что, Вовик, тебе особое приглашение нужно? – фамильярно прикрикнула она на Настиного хахалю. – Давай за стол!

За крахмальным столом расположились в следующем порядке: во главу стола посадили, по общему молчаливому согласию, начальника аэроклуба, заслуженного мастера спорта Фомича. По правую руку от него устроилась Настя. Рядом с ней поместился ее молчаливый альфонс. А рядышком с ним – Мария-Мэри. Она оказалась в скромненьком деловом костюмчике из вискозы, весьма не соответствующем загородному характеру мероприятия. («Костюмчик – не иначе как от Тома Клайма», – шепнула Катюше злобная Валентина.) Напротив Насти, юноши и Мэри (от Фомича, стало быть, по левую руку) уселась Катюша. Рядом с ней занял позицию ее невенчаный супруг Андрей. И, наконец, противоположный край стола заняла хозяйка – Валюха: села так, чтобы быть поближе к кухне.

Выпили по первой: «За высокое небо!» Потом – за себя, любимых, за то, что наконец встретились. «А то сидим по

углам, как будто и командой никогда не были», – прокомментировала Валя.

Салаты подверглись немедленному разграблению.

Фомич подналег на «оливье» с холодцом, девушки – дружно, не сговариваясь, – на *Salade exotique a la Andre Diachcoff*.³ Его смели мгновенно и с удовольствием. Сделали паузу только для третьего тоста, который пили молча, не чокаясь – «за тех, кто не приземлился». Женщины принялись несколько преувеличенно расхваливать салат в частности, кулинарные способности Андрея вообще и его самого в целом. Понеслись реплики: «Эх, повезло тебе, Катенька!» – «Золотой мужик!» – «А как готовит!» – «Да он вообще прелесть!» – «И голова у него варит!» – «А гляньте, какая у него попочка!»

Последняя фразочка, конечно же, принадлежала Валентине.

Девушки расхохотались, Андрей густо, до шеи, покраснел и стал протирать платком очки.

– А шашлык у него получается – еще лучше салата! – закричала приободренная похвалами подруг Катюша.

– Горячее! Горячее! – подхватила Мэри.

– В самом деле, где горячее? – осведомилась Настя. – Шашлык ведь там стынет!

– И грибочки! – воскликнул Андрей, отвлекая внимание от своей персоны.

---

³ Экзотический салат а-ля Андрей Дьячков (франц.).

– Ну, что, подавать? – спросила хозяйка. – А как же закуски?

– Закуски потом!

– После доедим!

– Шашлык остынет!

– Даешь горячее!

– Ну, горячее – так горячее, – несколько обиженно проговорила Валя. – Еще бы: все, кроме Фомича, пренебрегли ее замечательным холодцом и не менее прекрасным «оливье». – Но тарелки я вам мыть не буду! Отставьте в сторонку! – распорядилась она. – Потом будете из них снова есть закуски. Ночь-то длинная!..

Валентина собрала тарелки, ей бросились помогать и Катя, и Мэри. Настя оказалась увлечена узкоспециальной парашютной беседой с Фомичом. Андрей в ней ничего не понимал. Мелькали какие-то термины: «отцепка», «ПЗ-81» и даже какие-то «задние концы»...

Валя достала новую посуду, с помощью Кати и Мэри разложила по тарелкам шашлык – он, пока суд да дело, подогревался в углу камина и томил всех своим ароматом. В каждую тарелку положили, в качестве гарнира, чудесным образом сохранных с осени грибочков. Один только Настин молодой человек отказался от *главного блюда*:

– Я мяса не ем, – безапелляционно заявил он.

– А грибочков?

– И грибов не ем.

Даже Настя метнула на капризничаящего спутника уничижительный взгляд.

Наконец все снова уселись.

– Под горячее!.. Выпьем под горячее!.. – донеслись возгласы.

Фомич постучал вилкой по бокалу, поднялся – девушки сразу стихли – и с долей патетики проговорил:

– Дорогие мои девушки! Милые мои Валя, – легкий поклон в сторону хозяйки, – Мэри, – поклон, – Настя, – поклон, – и Катюша!.. Я – в небе давно. Я при парашютах уже без малого сорок лет. И разные команды у меня были. Были – успешней, чем вы. Были – вообще чемпионы. И СССР, и России, и Европы, и мира. Были, честно говоря, команды более яркие. И более талантливые, прямо скажу, были... – Фомич сделал тщательно продуманную паузу. Все молчали и неотрывно глядели на руководителя аэроклуба. Слышно было только, как потрескивают поленья в камине. – ...Но не было, – продолжил Фомич, – у меня команды, которую я... – снова пауза, председатель аэроклуба обвел всех своих девочек взглядом – ...любил бы больше, чем вашу! Не было – более любимой, не было – более милой, не было – более очаровательной!.. И это – чистая правда!

Девушки наперебой закричали «Ура!», выбежали из-за стола и бросились к Фомичу целоваться. Получилась такая веселая, влюбленная друг в друга куча мала.

Андрей погрустнел. Что там его экзотический салат в

сравнении с десятью тысячами прыжков Фомича!

Наконец девочки отцеловались, отчокались. Расселись снова по местам, выпили.

– Шашлык-то – прелесть! – громко сказала Катя.

– Да, удался!

– Настя постаралась, – Андрей отвел от себя внимание. А может, напротив, привлек? – И мясо высший класс, и маринад.

– И повар! – подхватила Мэри, глянув на Андрея таким многообещающим взглядом.

– А грибочки – чудо! – воскликнула Настя.

– Сама собирала, – откликнулась хозяйка. – У нас тут роща грибная. Выйдешь в будний день утречком, когда все на работе, и через час – готова корзинка. Все – белые, один к одному!

– Давайте еще выпьем – за кулинарию и кулинаров! – предложила Мэри, опять сверкнув на Андрея особенным взглядом.

Галантные мужчины снова наполнили рюмки бывшим спортсменкам.

Чокнулись, выпили, принялись закусывать.

Один только Настин Вовочка сидел, по-прежнему скрестив руки на груди, над пустой тарелкой.

За столом просидели еще долго. Воздали дань и Валентинному холодцу, и салату «оливье», и икре, и рыбе. Приго-

ворили литровую бутылку «Мартины» и бутылку водки. Девушки налегали на «Мартины», Фомич и Дьячков пили водку, Мэри принимала и тот, и другой напиток без особого разбора, и только *выюноша* пробавлялся минеральной водой. Вспоминали парашютные истории, травили байки: «А помнишь...» Выбегали курить на крыльцо.

Андрею порой надоедал девичий гам – он любил покой и одиночество, – тогда он выходил на улицу, прогуливался по участку, подбрасывал дровишек в баньку.

Наконец уже за полночь решили идти париться.

Сперва в баньку, стоявшую на отшибе, отправились Андрей с Фомичом. Настин юноша париться наотрез отказался.

Сухая парная раскалилась градусов до ста десяти. Сидели на нижней полке. Фомич только багровел и крякал. Тело его оказалось крепким, по-стариковски жилистым. Пересидеть его в парной Дьячков не мог. Вылетал из парной, бросался в снег.

Фомич научил его париться «дуплетом»: сперва сидишь в парной сколько хватает мочи, потом – в снег, затем вытираешься насухо полотенцем и снова – в парилку. «Это ж какое сердце надо иметь...» – подумалось Андрею, однако рекомендации парашютного аса он послушно выполнил. И оказалось не зря. После прыжков в снег тело по второму заходу в парилку словно бы проглаживали изнутри ласковым утюжком, миллионы нежно колющих иголочек будто вонзались в кожу. А уж когда отпарились, вышли в предбанник,

Андрей с полчаса, наверное, не мог шевельнуть ни рукой ни ногой. Чувствовал себя как после доброго сеанса массажа – или после ночи непрерывной любви с новенькой, молодой партнершей.

Наконец вернулись в дом, умиротворенные, покрасневшиеся.

Отправили в баню девушек. Сами с Фомичом затеяли долгий, под водочку, разговор о политике, науке, об армии и престиже Отечества – о чем еще могут разговаривать мужики под водочку после баньки! Настин *выюноша* участия в диалоге мужчин не принимал, только шурился высокомерно.

Девушки тоже парились долго. Временами до дома доносились их выкрики, визг, смех: по примеру мужчин дамы тоже выбегали на снег. Один раз Андрей не утерпел, подошел к окну, подсмотрел: далеко, у бани, в снегу резвились и барахтались четыре белые фигурки, четыре нимфы: маленькая, как подросток, Настя; полноватая, грудастая Валентина; худенькая, самая пропорциональная Катерина; слегка расплывшаяся, но по-прежнему сексапильная Мэри... Андрей мельком глянул, устыдился, задернул занавеску, вернулся к столу...

Девушки возвратились, когда шел уже третий час ночи. Сна ни у кого не было ни в одном глазу, да и пьяным себя никто не чувствовал. И есть захотелось... Решили продолжить застолье. Валентина обновила закуски, поставила свежие тарелки, достала из холодильника новые бутылки.

Расселись все в том же порядке: во главе стола – Фомич, справа от него Настя, ее приживальщик и Мэри. Напротив них расположились Катя, Дьячков и Валентина. Веселье было готово вспыхнуть снова и продолжаться до самого утра. Разлили по первой – или по какой там с учетом уже выпитого?

Фомич провозгласил тост: «За прекрасный дом – и его великолепную и милую хозяйку!» Все чокнулись с Валентиной, а Маша даже вышла из-за стола, обняла и поцеловала ее.

И вдруг произошло нечто неожиданное и страшное.

Настя – она сидела напротив Андрея, поэтому он видел все случившееся слишком хорошо – выронила вилку. Лицо ее внезапно смертельно побледнело.

– Ой, что-то мне нехорошо, – сдавленным голосом проговорила она. Схватилась за живот, скрючилась на стуле.

– Настенька, что с тобой, что? – участливо воскликнула Катюша.

Настя не ответила. Согнувшись в три погибели, держась за живот, она попыталась выйти из-за стола. Ее стул упал. Скрючившись, она сделала несколько шагов. За столом воцарилась тишина. Все с недоумением, растерянностью и ужасом смотрели на бизнесменшу.

Настенька повалилась на бок, на шкуру у камина, по-прежнему держась за живот.

– Больно! – жалобно, по-детски простонала она.

Девушки остолбенело смотрели на Настю. Фомич и Ан-

дрей вскочили.

– Чем она болела? Быстро! – прикрикнул на *юношу* Фомич.

Тот сидел, как замороженный, над пустой тарелкой.

– Я... я не знаю, – пролепетал он.

Фомич подскочил к лежащей на боку, в позе эмбриона Насте. Глаза ее были закрыты. По лицу разлилась нечеловеческая, восковая бледность. Было видно, как посинели ее губы и крылья носа.

– Это отравление! – прокричал Фомич. – Девки, быстро! Теплой воды! Активированный уголь! И звоните в «Скорую»!

Все повскакали из-за стола – и теперь, в критической ситуации, стало на мгновение заметно, что девушки когда-то были *командой*. Они не принялись бестолково носиться, мешая друг другу. Каждая четко занялась своим делом.

Катя побежала к телефону и принялась названивать в «Скорую». Валюха бросилась к аптечке за активированным углем. Мэри схватила на кухне полный чайник воды и кинулась к отравившейся. Дьячков тоже подбежал к ней и стоявшему над Настей Фомичу, отрывисто спросил: «Что делать?» И только молчаливый Настин спутник в панике выбежал из-за стола и забился в дальний полутемный угол, наблюдая оттуда, посверкивая глазами, за страшной сценой.

Настя потеряла сознание. Она лежала все так же скрючившись, схватившись обеими руками за живот. Плечи ее и ру-

ки, казалось, свела судорога. Синева вокруг рта разливалась все шире по ее безжизненно-белому личику.

Фомич мягко, как куклу, перевернул Настеньку на спину. Лицо ее запрокинулось. Казалось, она не дышала. Фомич приподнял веко девушки. Зрачки не реагировали. Прислонился ухом к губам. «Дыхания нет», – пробормотал он. Скомандовал:

– Делаем искусственное! Кто?!

– Я! – выкрикнула Катюша. И добавила: – «Скорая» едет! Я им сто баксов обещала!

– Не болтай! – рывкнул Фомич. – Иди работай!

Валюха, не надевая валенок, в одних носках выскочила из дома – встречать «Скорую».

– Все окна – открыть! Лишние – на хер! – проорал Фомич.

Мэри распахнула окна и бросилась вон из комнаты. Андрей раскрыл дверь в прихожую, а потом дальше – во двор.

Когда он снова вбежал в гостиную, там уже гулял холодный воздух. Настена лежала навзничь на белой шкуре. Вид у нее был безжизненным. Фомич по-медвежьи разодрал ее блузку. Катя раскрыла Настеньке синеющий рот.

– По команде! – крикнул Фомич.

Катя приникла ртом ко рту Настены.

– Раз, два! – проорал Фомич.

На «два» он изо всех сил нажал обеими руками на грудину Насте. Андрею показалось, что что-то хрустнуло. Катя вдвала воздух в Настины легкие.

– Раз, два!! – снова прокричал парашютный ас и снова изо всех сил нажал на грудь Насте. Катя колдовала над ее ртом. Тело по-прежнему было безжизненным. Вовик и Андрей с ужасом наблюдали за этой сценой.

– Раз, два! – опять скомандовал Фомич. Снова – удар руками в грудь, снова – хруст ребер.

Тело Насти дернулось, но, как прежде, оставалось безжизненным.

– Раз, два!

Хруст!

Андрей увидел, как по лицу Кати, которая делала искусственное дыхание «рот в рот», покатались две слезы.

– Может, наштасть? – робко спросил Андрей.

– К черту! – прорычал Фомич. – Работаем! Раз, два!!

Андрей отвернулся. Он не мог этого видеть. Со стороны ему казалось, что несчастное тело Насти абсолютно, стопроцентно мертво.

Откуда-то издали послышался вой сирен «Скорой помощи». «Господи, да успеете же вы! – стал молить про себя Андрей. – Да скорее же! Сделайте что-нибудь! Укол в сердце, дефибрилятор – что там у вас есть?!»

Впервые на его глазах умирал человек.

Не в силах вынести этой картины, он выбежал в сени, а потом на крыльцо. Вслед ему неся рык Фомича:

– Работаем! Раз, два!

С крыльца Андрей увидел, как в широко распахнутые

ворота особняка въезжает машина «Скорой помощи». «Рафик» с красным крестом остановился рядом с «фиатиком». Из машины выпрыгнули в снег Валюха в одних носках и два человека в белых халатах поверх пальто. Они порысили к дому.

Втроем они взбежали на крыльцо, пронеслись мимо Андрея в гостиную.

– Всем отойти! – закричал из гостиной врач.

На крыльцо к Андрею вышла Валентина. Глаза у нее были безумными, ее колотила крупная дрожь.

– Дай сигаретку! – как сомнамбула попросила она.

– Я не курю, – безучастно отвечал Андрей.

– Спасут? Как ты думаешь, ее спасут? – горячно спросила Валя.

На крыльце появилась и Катя. Уткнулась Андрею в плечо. Всхлипнула. Он обнял ее. Ничего спрашивать не стал. Ему все было ясно...

Через пятнадцать минут на крыльцо вышел опечаленный врач. Закурил.

– Она умерла? – жадно спросила Валентина.

Доктор грустно кивнул.

Валюха заплакала в голос. Зашмыгала носом Катюша.

Глава 3

Волшебное путешествие

Павел, 6 января, 15.00

Я вздохнул и откинулся в своем любимом кресле.

Итак, меня подражали раскрыть покушение на убийство.

Мне же, судя по всему, досталось, в нагрузку к покушению, еще и полноценное убийство.

С утра у меня имелись: одна жертва – Катерина Калашникова, одно орудие преступления – пистолет, один мотив – неясный и один преступник – неизвестный.

Теперь же, после рассказа Калашниковой и Дьячкова о событиях на даче Валентины Лессинг, я получил *две* жертвы: Настю Полеву, отравленную в особняке, и мою клиентшу, в которую стреляли на самом людном перекрестке Москвы. А еще: *два* орудия (пистолет и яд) и, наверное, *два* мотива и *двоих* преступников.

Или все-таки: *один* мотив и *одного* преступника?

Об этом следовало хорошенько поразмыслить.

Супруги Калашниковы (в дальнейшем я буду называть их именно так, по фамилии жены: голубоглазая доцент в их дуэте играла, похоже, первую скрипку) просидели у меня в

офисе почти до трех часов. Римка замучилась таскать кофе – мне и очкастому профессору, и чай – Екатерине Сергеевне.

После моего вопроса об имени «Настя» (которое произнес убийца на Страстном) – его я, словно невзначай, задал уже на улице, у капота «фиатика», – мы вместе с Калашниковой и Дьячковым вернулись в мой офис. И вот тут-то, в течение двух часов, они рассказали мне, с помощью моих наводящих вопросов, страшную историю гибели Насти Полевой.

Затем, в конце своего рассказа, они поведали о том, что было дальше.

Врачи «Скорой» посчитали причиной смерти гражданки Полевой острое отравление грибами. В то же время ни у кого более из гостей особняка ни малейших симптомов отравления, слава богу, не наблюдалось.

Вскоре прибыла милиция и опросила всех присутствующих.

Затем дождались труповозку, и тело Насти отправили в морг. В дальнейшем, после вскрытия, судмедэкспертиза подтвердила первоначально установленную причину смерти – пищевое отравление; предположительно – грибами.

Похоронили Настену три дня спустя на Ваганьковском кладбище (на таком престижном – оттого, что здесь уже обрели последнее пристанище ее отец – академик-математик и мама). В могилу к ним и подхоронили Настеньку Полевою.

В печальной церемонии участвовала уйма народищу. Вся Настина фирма – включая, естественно, молчаливого юношу

Вовика. Однокурсники погибшей – Настена заканчивала в свое время кооперативный институт. Присутствовала на обряде прощания и дочка госпожи Полевой, о существовании которой многие узнали только на похоронах. Это было бледное, заплаканное существо лет восьми. Была также сестра погибшей. Она оказалась – или казалась? – много старше и много простоватей Насти.

Участвовал в траурной церемонии и аэродромный люд, включая мою клиентшу Катюшу вместе с супругом, Фоми-ча, Мэри и множество других бывших и ныне действующих парашютистов и летчиков.

Не было одной только Валентины Лессинг. Ее, впрочем, никто не осуждал. Остаток ночи Валентина провела, ни на секунду не сомкнув глаз и уговорив совместно с Фомичом литр водки. Остальные спали по комнатам наверху – или пытались спать. А Валентина пила, плакала, винила во всем себя – и снова пила. На следующее же утро Валюха, гражданка одновременно и России, и Германии, вызвала такси и отправилась в Шереметьево-2. Каким-то чудом достала в предновогоднем ажиотаже билет на Франкфурт, а оттуда улетела в Кельн: к сыну, мужу и свекрови. Валентину общественное мнение жалело и понимало: вряд ли кто согласился бы остаться, да еще в одиночестве, в доме, где произошло столь страшное событие.

Странность происшедшего заключалась, однако, в том, что Валюха была заядлым грибником. Грибы она собирала с

детских лет и разбиралась в них великолепно. Даже на аэродроме, в нелетную погоду, она отправлялась не пить и не спать, как многие, — а в лес, на тихую охоту. Поверить в то, что Валя Крюкова-Лессинг могла по ошибке сорвать, а потом отварить, пожарить и подать на стол бледную поганку — нет, поверить в это никто не мог.

Хотя... Хотя, говорили другие, и на старуху бывает проруха. И у человека, тысячу раз отпрыгавшего без единого происшествия, на тысячу первый раз, бывало, отказывал и парашют, и запаска...

Или, шептались третьи, это была не случайность — но преступление? А что, если Валентина Лессинг намеренно положила в тарелку несчастной Настеньке ядовитый гриб? Но, при таком допущении, сразу возникала целая свора вопросов. И главным из них был: а зачем?

Жизненные пути Насти и Вали никак не пересекались. Одна делала свое дело, другая — свое. Первая занималась карьерой, деньгами, фирмой. Вторая — строила особняк, семейные отношения и карьеру мужу. Делить им было ровным счетом нечего — ни мужики, ни деньги меж ними не пробегали.

Может быть, зависть? Нет, завидовать одна другой вряд ли могла: социальный статус и материальное положение обеих были примерно равными, хотя покойница Настя добилась всего сама, а Валюха обрела достаток через удачного мужа. Валентина и Настя даже встречались друг с другом, после

того как восемь лет назад «завязали» с парашютами, раз в год по обещанию. Несчастливая *тусовка* в католический сочельник вообще была их первой встречей за последние два, а то и три года.

Тогда, может быть, – шептали уже потом, на поминках, некоторые горячие и взбудораженные алкоголем головы, – Настеньку отравил кто-то другой? Кто-то из гостей особняка?.. Но кто?..

Фомич?

Катя или Андрей?

Мэри?

Бледный юноша?..

Что же тогда получалось: кто-то из них привез с собой в гости (в кармане? в дамской сумке?) бледную поганку, втихоря бросил ее в блюдо, а затем спокойно смотрел, как Настенька умирала?.. Так это, что ли, было? А главное – зачем кому-то из них это понадобилось? Каков мотив?.. Никто не мог придумать мотива... Да ведь и все прочие, возражали вралям трезвые головы, кушали тогда эту грибную приправу. Ведь и он же сам, предполагаемый убийца, мог бы тогда взять да отравиться?!

Все кушали, кроме бледного Вовочки, шептал тут некто уж совсем циничный и всезнающий.

Но опять же: представить, что юноша, выдернутый благодеяниями Настены на свет божий и только-только учившийся пользоваться теми привилегиями, которые он – благодаря

лишь одной Насте! – вдруг получил... Представить, что этот хиляк поднимет руку на свою благодетельницу, – нет, этого не могли даже свертотчаянные фантазеры. Нет, нет и нет!..

Все это разговорившиеся супруги Калашниковы повели меня, с пятое на десятое, в моем кабинете.

Наконец я распустил их по домам и взял с них слово, что они оба будут крайне осторожны. Никаких ночных прогулок, особенно в одиночестве, никаких бандеролей от незнакомых лиц, никаких случайных попутчиков в «Фиате»... Ну, и так далее – смотри «Основы безопасности жизнедеятельности», курс для средней школы.

Калашникова мои предостережения слушала уже вполуха. Она спешила на урок (становилось понятным, отчего семейка разъезжает на иномарке и имеет возможность оплачивать мои услуги: репетирование оболтусов по иностранному языку нынче стоит до пятидесяти баксов за занятие). Высокоученый супруг Калашниковой так же, как между делом выяснилось, промышлял частными уроками – но по физике. Физика теперь не в такой цене, как английский, но баксов пятнадцать за занятие профессор, думается мне, срывал.

Калашниковы наконец удалились. Я дал им номер своего мобильного телефона и пейджера и велел звонить, если будет нужда, в любое время дня и ночи.

Следом за клиентами упорхнула и счастливая Римка. Ее ждали молодые святочные оргии на папиной даче в Абрамце.

Я остался один-одинешенек в офисе – и во всем, казалось, полутемном, гулком институте.

Самое время было, чтобы обдумать полученную информацию. И попытаться выстроить план расследования.

Но еще со времен работы на государство я ненавидел все эти «планы расследования», всю эту бумагоделательную фигню. Кроме того, сегодня был последний трудовой день перед тремя рождественскими выходными, и мне оставалось всего несколько часов, если я хотел хоть кого-нибудь застать на службе. Пусть даже в безалаберной обстановке коллективной пьянки.

Так что через семь минут я уже заводил свою «восьмерку», одиноко стоявшую перед входом в институт.

По пути в район метро «Бауманская» в голову мне лезли разные мысли, и все почему-то связанные с моим расследованием.

Первая мысль была цитатой из учебника по криминалистике (сживали и мы на лекциях, сживали!). «Согласно статистике, – гласил учебник, – около девяноста процентов бытовых убийств совершаются половыми партнерами жертв».

Последним половым партнером Настеньки являлся, судя по рассказу Калашниковых, недоношенный Вовик. Мне представлялось очень интересным заглянуть в его честные глаза. А кроме того, узнать, какое положение он занимает в фирме покойной г-жи Полевой. И не улучшилось ли оно, это

положение, после гибели Насти.

Мысль номер два, посетившая меня по дороге, была такова: если Настя Полевая ездила при жизни на джипе и имела дом на Мальте, то сколько сотен тысяч долларов (или, может быть, даже миллионов...) стоит ее фирма? И кому она, эта фирма, теперь отошла?

Наконец, третья мысль имела непосредственное отношение к моей клиентке. Заключалась она в следующем: «А не преувеличил ли человек с пистолетом, повстречавший Екатерину Калашникову вчера на Страстном бульваре, ее наблюдательность?.. Может быть, она видела (или кому-то показалось, что она – видела) на даче *что-то*, что делало ее нежелательным свидетелем?..

И не похож ли человек, стрелявший вчера в мою клиентшу, на этого самого Вовика – последнего полового партнера убитой?»

Рефлексии мне не слишком свойственны. Решив, что три мысли, да еще одновременно, для частного детектива – это чересчур много, я сосредоточился на дороге и включил радио.

Оружие «Красные, горячие, острые перчики» быстро вымели из моей головы мысли о предстоящем расследовании. Но я пару раз вспомнил о своей новой клиентке.

И вдруг, совершенно неожиданно для себя, подумал, что она – прекрасна. Что она – красива, умна и женственна. И что мне хотелось бы встретиться с ней в обстановке чуть ме-

нее формальной, нежели мой офис. Скажем, за бокалом вина в ресторане. И еще я, к своей досаде, понял одно: что я беспокоюсь о ней. Беспокоюсь не как об очередной клиентке, которая должна дожить до момента, когда ей придется выкладывать деньги за мои услуги. Я почувствовал, что волнуюсь о ней, почти как о близкой мне женщине.

«Еще чего не хватало!.. Ничего личного! – прикрикнул я на себя. – Ты что, забыл свой принцип: в отношениях с клиентами – ничего личного?! А?!»

На последних метрах пути мне удалось изгнать непрошенные мысли о Екатерине Сергеевне Калашниковой. Решающим явилось то, что у женщины имелся, между прочим, хоть и невенчаный, но, кажется, любящий (и любимый) супруг. Этому дурачку Дьячкову повезло. Не ценил он, похоже, и не понимал своего счастья.

Но – чу! Я приближался к пункту своего назначения.

Туристическая компания «Мэджик трэвел» помещалась на втором этаже двухэтажного особняка в районе Бауманской улицы. Моего знания языка хватило, чтобы перевести этот англицизм как: «Волшебное путешествие». У входа я заметил сиротливый «Киа-Спортэйдж». Кажется, на нем ездила покойная Настя. Кто, интересно, теперь сметает с него снег и давит на его акселератор?

Я взглянул на часы. Было без пяти четыре. Очень удачное, почти круглое, время для делового визита. Недаром я надел

свой единственный (но от Кардена!) галстук.

Перед выездом я проштудировал газету «Экстра-М»: ее каждую неделю приносила к нам в офис бодрая старушонка.

Среди туристических компаний, дававших рекламу в эту газетку, «Мэджик трэвел», руководимая Настей Полевой, ныне покойной, значилась. Однако ни размерами, ни способами подачи, ни ценами ее объявление ровным счетом ничем не отличалось – ни в лучшую, ни в худшую сторону – от семидесяти двух своих конкурентов. Все те же: «Прага, Париж, Париж – Диснейленд, Париж – Лазурный Берег, Хургада, Каир, ОАЭ, Европа – автобусом, недорого!» Все те же цены: «От 299 у.е., от 349 у.е., от 599 у. е....» Три телефона, факс, адрес, e-mail. Web-странички не имеется. Вся эта полезная информация о «Мэджик трэвел» была размещена на фоне стандартной псевдосексуальной блондинки в эфемерном купальнике, блаженно нежащейся где-то на красноморском пляже. Словом, обычная туристическая фирма, каких много.

Трудно было себе представить, чтобы Настю (да еще руками ее любовника или же одной из подруг!) грохнул кто-то из конкурентов по бизнесу. С таким же успехом, как мне показалось, он мог бы замочить семьдесят остальных подателей туристических объявлений.

Но, впрочем, надо поглядеть...

Извилистыми коридорами – то поднимаясь по каким-то ступенечкам, то опускаясь – я прошел по второму этажу,

следуя за указателями, отпечатанными на лазерном принтере: «Мэджик трэвел». На указателях имелась та же сиястая блондинка, как на газетной рекламе. В коридоре отвратительно пахло надоевшим за праздники салатом «оливье», и где-то в противоположном конце его раздавались взрывы коллективного смеха. Слава богу, от этого очага разнузданного рабочего веселья я, кажется, удалялся.

Наконец бумажные стрелы привели меня к стальной двери, поверх которой была приклеена скотчем все та же бумажонка с названием фирмы и грудастой блондинкой. «Не густо, – подумал я. – Контора-то у Насти была не самого высокого полета».

Я решительно толкнул дверь, ведущую в «Волшебное путешествие».

В большой комнате со стандартным евроремонтом (больнично-белые стены, черные столы, черные кресла) помещалась, судя по всему, вся целиком, в полном составе (за исключением, естественно, бедной Насти), компания «Мэджик трэвел». И она, эта компания – о чудо для второй половины дня сочельника! – ничего не праздновала.

За длинной конторкой, в которую сразу упирался посетитель, сидели две девицы унылого вида. На конторке были разбросаны в художественном беспорядке глянцевые проспекты. Те же проспекты висели в развернутом виде по стенам.

В глубине комнаты, справа, стояли три стола. За одним из

них сидела матрона лет пятидесяти. В тот момент, когда я открывал дверь, она как раз принимала лекарство. Увидев меня, она смешалась и принялась судорожно запивать пилюльку. «Приятного аппетита!» – сказал я ей, чем смутил еще больше. Два других стола были пусты.

У стойки на одном из стульев для посетителей сидел и, очевидно, пытался кадриться с одной из конторских девушек мой Вовик. Калашниковы описали его точно: хилая бородка, слегка отрешенный вид. Он то ли еще не дослужился до собственного стола, то ли покинул его ради того, чтобы быть поближе к очередному объекту своего пылкого сердца. Удивительно непостоянны эти современные молодые люди!

Наконец, в самом дальнем углу комнаты – а помещение, которое занимало «Волшебное путешествие», было весьма обширным – метров сорок общей площади – имелась небольшая каморка за глухими дверьми. Таким образом, все в фирме «Мэджик трэвел» было устроено по американскому стандарту, каким он понимается в Бауманском районе Москвы. Конторка – для работы с клиентами, тройка столов – для сотрудников и отдельный кабинетик – для босса.

Именно туда, к кабинету босса, я решительно направил свои стопы. Без стука распахнул дверь.

В начальственной каморке имелись: стол, за ним —кожаное кресло (такое же, как мое офисное), два стула подешевле – для посетителей, а также сейф. И два человека. Первый стоял у окна. Это был джентльмен лет пятидесяти с пенько-

вой трубкой в руках. Своим видом он словно олицетворял разложение британской аристократии – с поправкой, опять-таки, на московский лад. Второй была толстая немолодая дама в роговых очках. Она печально сидела на стуле для посетителей.

– А где Настасья Филипповна? – осведомился я у присутствующих.

– Ее, м-м, нет, – проблеял полумилорд.

– Как это – «нет»? – слегка возмущился я. – Мне назначено. Шестого января, шестнадцать ноль-ноль. – Я демонстративно посмотрел на часы.

– Боюсь, она не сможет вас принять, – вздохнул джентльмен.

– Как это? – довольно грозно настаивал я. – Почему же она мне не отзвонила? Не перенесла встречу?

Тут я заметил, что у полной дамы по щекам заструились слезы.

– Я просил бы извинить нас, – с учтивостью проговорил «англичанин», – но она не сможет с вами встретиться, потому что она... она... Словом, она скончалась.

– Как?! – воскликнул я, будто бы пораженный громом.

Джентльмен кротко покивал. Полная дама продолжала плакать.

– Какое горе... – пробормотал я. – Но, может быть, я тогда смог бы поговорить с ее заместителем?

Псевдомилорд воззрился на меня так, будто я предложил

пойти и совместно плюнуть на Настину могилу.

– Кто ее заместитель? – продолжал настаивать я. – Дело в том, что мы с Анастасией Филипповной уже договорились о совершенно уникальном, необычайно выгодном для вашей фирмы сотрудничестве...

– Ее заместитель – я, – печально вздохнул джентльмен с трубкой.

– О! – радостно воскликнул я. – Очень приятно!.. А вы, наверное, главный бухгалтер? – обратился я к даме.

Она кивнула, не переставая плакать.

– Тогда вам тем более надо выслушать наше предложение! – продолжал я, демонстрируя редкую, даже по нынешним временам, толстокожесть. – Это грандиозно! Можете себе представить: у нас есть огромные скидки на путешествия во Флориду! До восьмидесяти процентов! В любой сезон!

Джентльмен глядел на меня, выпучив глаза. Казалось, он плохо понимал, о чем речь.

– Мы представляем крупнейшего туроператора по Америке, а конкретно по штату Флорида, – продолжал нести я пургу. – Несмотря на то что наша компания, с американской стороны, открыта совсем недавно, она уже владеет сорока тремя отелями по всему побережью, на любой вкус, от двух до пяти с плюсом звезд. Мы чрезвычайно заинтересованы в российском рынке, и мы с Настасьей Филипповной уже условились о том, что ваша фирма будет представлять наши услуги на российском рынке. Очень, очень выгодное предложение.

ние! Скидки – до восьмидесяти процентов! Вы представляете? До восьмидесяти!

В то время, как я нес эту ахинею, я внимательно отсматривал реакцию «джентльмена». На даму можно было не глядеть: она откровенно плакала, утирая глаза платочком, и на меня никак не реагировала. На лице же заместителя Насти Полевой – и теперь, судя по всему, полномочного распорядителя делами фирмы «Мэджик трэвел» – читалось только плохо скрываемое раздражение. Оно, его лицо, выглядело так, словно в дом, где только что утонул хозяин, ввалился коммивояжер, рекламирующий стопроцентно защищающую от влаги складную кепку-зонтик и в придачу к нему – совершенно бесплатно! – особую губку для удаления мокрых капель с макинтоша.

– Вы можете себе представить, что это такое – восемьдесят процентов?! – с энтузиазмом воскликнул я.

– Мы не могли бы, э-э, – прервал меня «джентльмен», – встретиться с вами в другой раз?

– В другой раз?! – я был страшно поражен. – Но речь же идет о восьмидесяти процентах! О скидке в восемьдесят процентов!

– И все-таки, – настаивал «милорд», – нам, э-э, необходимо слегка разобраться с делами после, э-э, безвременной кончины Анастасии Филипповны.

– Но время не ждет! – горячо воскликнул я. – В конце концов, если вы медлите, я – несмотря на то, что нас с по-

койной уже связывало джентльменское соглашение! – оставляю за собой право обратиться в другую компанию!

Джентльмен грустно улыбнулся и развел руками: что же мы, мол, можем поделать.

– Тогда простите великодушно – и до свидания! – удрученно молвил я и развернулся.

– Вот моя визитка! – спохватился наконец «милорд». – Позвоните мне!

– Я знаю ваши координаты, – глухо молвил я и вышел из каморки. – Анастасия Филипповна вам бы этого не простила.

Последнюю фразу я произнес, уже открыв дверь и перешагивая порог каморки – в расчете на прочих сотрудников «Мэджик трэвел».

По сути я, кажется, был совершенно прав: Настя Полевая в самом деле не простила бы своим соратникам (вплоть до увольнения!), когда бы они вот так запросто, даже толком не выслушав, дали уйти человеку, предложившему столь выгодные условия. Пусть нынче – вечер сочельника, пусть компания только что похоронила директора, но настоящий бизнесмен, насколько я их, предпринимателей, понимаю, стал бы торговаться даже у распаханного гроба собственной матери.

Похоже, «Мэджик трэвел» страдал той же болезнью, что и большинство российских компаний (особенно тех, что возглавляются женщинами): директор страх как боится внутри-

фирменной конкуренции – а потому окружает себя сплошь вялыми, никчемными личностями. Мне хотелось бы ошибиться, но блеющий джентльмен, если он останется у власти, потопит «Волшебное путешествие» с быстротой идущего ко дну «Титаника».

Во всяком случае, представить себе, что эти двое – джентльмен и полная главбухгалтерша – заказали хладнокровное, хорошо обдуманное убийство собственной начальницы, было выше моих сил.

Тогда кто это мог сделать?

Подойдя к стальной двери, коей заканчивались владения «Мэджик трэвел», я развернулся.

– До свидания, дамы и господа, – молвил я с приличествующей случаю скорбью. – Примите мои искренние соболезнования...

– Да, кстати, – уже совсем другим, несколько более небрежным тоном обратился я к блеклому Володе, – не могли бы вы проводить меня до лестницы? Здесь такие запутанные коридоры...

Вовик поспешно вскочил.

Я пропустил его вперед.

Когда мы прошли по коридору метров десять и завернули за угол, я взял его под руку, остановил и крепко сжал локоть. Затем развернул и прижал спиной к стене. Обе свои руки я упер в стену рядом с его головой. Мои глаза оказались в двадцати сантиметрах от его лица.

– Я из МУРа, – жестко сказал я. – Капитан милиции Се-
нилин.

Вовик захлопал ресницами.

– Где ты был вчера вечером? – спросил я, не отводя глаз
от его лица.

– В Ка... в Каире... – проблеял юноша.

– Где?!

– В Каире... В Египте...

– Что ты там делал?

– Сопровождал группу...

– Какую группу?

– Ту-туристическую...

– Сколько человек в группе?

– Д-двадцать один...

– Когда прилетел в Москву? Ну! Быстро!

– В восемь вечера... Вчера...

– Аэропорт?

– Шереметьево-один...

– Кто тебя встречал? Быстро!..

– М-м... М-мама...

Вовик был совершеннейше ошеломлен и, кажется, даже
не понимал, что происходит. На вопросы он отвечал автома-
тически. Этого мне только и было нужно.

– На чем ехали из аэропорта? – продолжал я свое давле-
ние.

– На м-машине.

– Какой машине?

– Что?

– Марка?! – рявкнул я.

– «Ш-шестерка»...

– Во сколько ты уехал из аэропорта?

– Часов в одиннад-цц-цать вечера.

– Точнее! – рявкнул я.

– Без четверти одиннадцать...

Я сыпал вопросами без остановки, один за другим, не давая Вовику расслабиться. Я смотрел ему прямо в глаза, не отрываясь ни на секунду и отмечая все движения его зрачков. Весьма эффективный способ допроса, когда тебе надо что-то *узнать*. Не получить показания, которые подследственный потом еще должен подписать, не нарыть доказательства для суда, а именно *узнать*. Никакого детектора лжи не нужно. Все видно по движению зрачков и мимике лица.

Подобным способом допроса пользуются ребята из израильской службы внутренней безопасности, в просторечии называемой Шим-бет. Они вот так, как я сейчас Вовика, *прокачивают*, в частности, каждого пассажира, вылетающего из ихнего аэропорта Бен-Гурион. Может быть, поэтому ни единого взрыва или захвата заложников в самолетах, отбывающих из Израиля, еще ни разу не случилось.

В случае с Вовиком его глазки говорили, что он лепечет чистую правду. Да и проверить его слова можно было проще простого. А раз так – значит, явно не он подбегал вчера со

шпалером наперевес к «Фиату» моей клиентки на Страстном бульваре...

Из офиса в дальнем коридоре раздался громоподобный взрыв смеха, а затем крики: «Ура!»

Мне оставалось выяснить у бедного Вовика последнее.

Я по-прежнему смотрел ему прямо в лицо. Прижатый к стенке, он и не думал сопротивляться.

– Ты был на даче у Лессингов? – спросил я.

– Д-да...

– Почему ты не ел шашлык?

– Я н-не ем мяса...

– А грибы?

– Н-не люблю...

– Что ты подложил в тарелку Насте?

– Ничего! – панически закричал он. – Клянусь: ничего!

– Кто это сделал?

– Я не видел! Никто!

– Что ты получишь по завещанию Насти?

– Ничего!

– Твоя должность в «Мэджик трэвел»?

– Менеджер.

– Когда тебя взяли на работу?

– В сентябре.

– Когда ты начал спать с Полевой?... Ну?!

– На ноябрьские... мы с ней... первый раз... она меня...

– Ты жил в ее квартире?

– Н-нет... Только бывал...

– Ей кто-нибудь угрожал?

– Нет. Я не слышал. Точно – нет.

– Почему ты сказал у Лессингов, что ты – ее заместитель?

– Я этого не говорил! Это все она!

– Кто сейчас руководит фирмой?

– Иван Прокофьич...

– Это тот, с трубкой?

– Да.

– У Насти были долги?

– Я н-не знаю...

– У нее была «крыша»?

– Н-не знаю...

«До первой звезды нельзя! Пост!..» – закричал бесшабашно веселый женский голос из того офиса, где шло празднество.

«Звезду! Звезду Ритке!» – откликнулись там же хмельные мужские голоса. И снова – хохот.

Градус напряжения допроса Вовика стал ослабевать. К тому же хлопнула дверь в той стороне, где помещалась «Мэд-жик трэвел». По коридору в нашем направлении засеменяли женские шаги.

– О нашем разговоре – молчи! – выпятив нижнюю челюсть, сказал я Вовику. – Понял?!

подавив в себе искушение дать ему хорошую зуботычину – очень уж мне не понравился этот юный альфонс! – я

оставил его у стеночки и устремился по коридору прочь из здания.

Всю возможную информацию в «Мэджик трэвел» я, кажется, получил.

Оказавшись внутри любимой «восьмерки», я первым делом снял изрядно надоевший и натерший шею галстук. Затем завел мотор.

После таких эскапад с переодеванием неплохо было бы проглотить граммчиков сто пятьдесят, но вечер только начинался. Мне еще ездить и ездить, а гаишники в предпраздничную ночь ну очень любят тормозить легковые машины, где едут одинокие мужики.

Я отъехал по переулку метров сто пятьдесят от дверей «Волшебного путешествия», снова припарковался у тротуара и заглушил мотор.

Достал из внутреннего кармана мобильник. Включил его и набрал домашний номер Насти Полевой.

Сейчас в ее квартире временно проживала, согласно информации, предоставленной мне сегодня днем моей клиентшей, старшая сестра Насти по имени Варвара, по фамилии Задорожная.

– Варвара Филипповна? – бархатно спросил я, когда в трубке откликнулись.

– Да, – вздохнула трубка.

– Вас потревожил некий Павел Синичкин, – сказал я, придавая голосу толику интимности. – Может быть, вы будете

смеяться, но моя профессия – частный детектив...

На это мое сообщение никак не откликнулись. Лишь слышалось шуршание эфира в трубке. Я продолжил:

– Я выступаю в интересах своего клиента – извините, но я не могу назвать его имени. На него было совершено покушение. Это произошло уже после трагической гибели вашей сестры Насти, но мой клиент полагает, что это покушение могло быть как-то связано с ее гибелью.

В трубке продолжали молчать. Что за манера?!

– Варвара Филипповна! – воскликнул я. – Очень бы хотелось встретиться с вами и задать вам несколько вопросов.

– Зачем? – холодно осведомилась трубка.

Что же, ей нужно повторить все с самого начала?

– Видите ли, Варвара Филипповна, – я попытался взять собеседницу на пушку, – у меня есть некоторые основания предполагать, что определенная опасность угрожает дочери покойной Насти. А может быть, и вам лично.

Собеседница взяла очередную паузу.

Пауза была такая – любой из мхатовских стариков позавидовал бы. Чистая радость для компании сотовой связи.

– Приезжайте, – наконец решилась трубка. И сухо продиктовала мне адрес.

– Буду ровно через час.

Ровно в то самое время, когда частный детектив Павел Синичкин встречался с сестрой покойной Насти Полевой,

его клиентка Екатерина Калашникова вернулась домой, в Петровско-Разумовский переулок. Запарковала «фиатик», как научил ее частный детектив, не на стоянке, а в переулке подле дома. Подняла глаза: в их квартире светилося одно окно – на кухне. «Значит, профессор Дьячков уже вернулся, – тепло подумала она о муже. – Готовит мне ужин». Нацепила на руль антиугонную клюшку. Заперла авто центральным замком. Погладила машину по эмблеме на капоте – это был ее ежевечерний ритуал прощания с нею. «Не надругались бы над «фиатиком» дворовые мальчишки, – озабоченно подумала она. – Надо будет поглядывать».

...В очередной раз выглянув в окно, Андрей Дьячков увидел подъехавший «фиатик». «Слава богу», – выдохнул он. От сердца отлегло. Он поспешно отшатнулся от окна, чтобы жена не заметила, как он ждет ее.

Только когда Катя поднялась к себе на второй этаж, она поняла, как устала. С ума сойти, даже запыхалась! Прошла двадцать ступенек, а дышит паровозом! За ключом Катя не полезла, нажала на звонок. Пускай Андрей срочно приводит ее в чувство.

Еще с тех времен, когда у нее не было ни квартиры, ни мужа, она привыкла сама выезжать на уроки, а не приглашать учеников к себе. Катя и сейчас не изменяла существующему порядку – благо появилась машина, а с ней хоть какое-то подобие комфортного перемещения по городу. Конечно, мотаться было тяжело – от долгого сидения за рулем у Кати

ныла спина, поврежденная еще в той, прошлой жизни. Зато она имела полное право брать со своих учеников по полной программе: включать в цену урока плату за доставку знаний на дом. К тому же оберегала свой дом от *чужих*. Чужих людей, чужих мыслей – чуждой ауры.

Сегодня у нее было два урока. С дочкой подружки, с которой Катя занималась по бартеру: в обмен на неограниченный кредит косметических средств (подруга работала распространителем косметики). И с новорусским сыночком Олегом.

Олег Пряденко был самым нелюбимым учеником. Гремячая смесь невежества и спеси. За невыполненные задания папаша лишал его карманных долларов – поэтому Олеженька ненавидел свою училку лютой ненавистью. В хорошие времена Катя от такого маленького монстра моментально отказалась бы – она раскусывала ленивых хамов после первого же урока. Но то было раньше. Раньше доцент Калашникова могла себе позволить заниматься только с теми, кто понимает и любит язык. Но сейчас... Сто долларов за полтора часа злого взгляда исподлобья... Можно и потерпеть. Пусть терпеть и тяжело.

Сто долларов лежали в кошельке – по соседству с дежурным стольником (рублей) для гайшников. Сто долларов... Одна сороковая часть ее долга за машину. При том условии, если ее профессор получил что-нибудь со своих учеников, и они смогут закупить недельный запас продуктов.

Катя требовательно позвонила в дверь.

– А вот и Катюша, – расплылся в улыбке Андрей, открывая.

Она вошла. Он поцеловал ее в щеку. По ее побледневшему лицу было заметно, как она устала. Андрей помог ей снять пальто. Повесил его на вешалку. Расстегнул сапожки. Подал тапочки. Это был их каждодневный ритуал.

Катя мимоходом погладила его по щеке и скрылась в спальне. Теперь, он знал, ее нельзя тревожить минут двадцать. Жена переодевается в домашнее и приходит в чувство. Так у них было заведено издавна: того, кто пришел с работы, нельзя с ходу тормошить вопросами. Вообще не надо с ним разговаривать. Нужно дать человеку время прийти в себя.

Обидно только, что в последние два года Катя почти всегда возвращалась позже Андрея. И отдыхать, и быть оберегаемой доставалось – ей, а не ему.

У Кати потеплело на сердце от ласкового мужниного: «А вот и Катюша!» Ей было приятно, когда он нагнулся и расстегнул ей сапожки. Снял пальто и аккуратно повесил его на плечики. Если Катя раздевалась сама, то небрежно вешала верхнюю одежду на крючок. Или даже просто бросала ее на кресло в кабинете.

Катя прошла в спальню. Андрей, она знала, не будет беспокоить ее минут двадцать. Даст прийти в себя. Катюша на всякий случай прикрыла дверь и, как была в костюме, пова-

лилась на кровать. «Юбка помнется... Ну и ладно. Все равно мягая, весь день за рулем просидела...»

Настроение, испорченное ученичком Пряденко, и не думало улучшаться. Хотя обычно Кате сразу становилось легче, когда она входила в Свой Дом, чмокала профессора, укрывалась в спальне. Но сегодня все шло не по правилам.

...Вчера в нее стреляли. Сегодня с утра и до обеда они с Андреем просидели в офисе Павла Синичкина – вместо давно запланированной прогулки в Коломенское. От вопросов детектива, жестких и цепких, Катя устала, как от парочки прочитанных лекций. Но кого интересует, что она устала? Никого, кроме ее самой... Даже, наверное, Андрея не особо интересует...

Расставшись с Павлом, Катюша подбросила мужа до «Рязанского проспекта», ближайшего метро, и понеслась – дальше, быстрее. Один урок – в Бирюлеве. Второй – в Крылатском...

Она носилась весь остаток дня, весь вечер. Одна. В машине. Наедине со своими мыслями, воспоминаниями, любимой кассетой и безразличными диджеями, которые монотонно поздравляли радиослушателей с наступающим праздником, Рождеством Христовым.

Праздник действительно наступал. По магазинам, она видела, метались азартные толпы. После шести вечера на улицах показались нарядные, расслабленные парочки – у кого театр, у кого – романтический ужин в ресторане. По всем ра-

диостанциям крутили надоедливую праздничную рекламу. Рождественские скидки на кухонную мебель – когда она в последний раз покупала мебель? Рекламировали вечеринки в ресторанах и казино. Приглашали на концерты – на Башмета Катя сходила бы, если...

«Вот тебе и «если», – перебила она сама себя. – Ты уже собиралась перед Новым годом на Спивакова. Притащилась в консерваторию, дурочка. Спросила робко: «Билетики еще остались?» Тебе сказали: «Вам повезло, остались. Сколько?» Ты радостно завопила: «Два! Нет, четыре!» А потом отходила от кассы, как оплеванная, – когда оказалось, что самый заваливающий билет стоит пятьдесят долларов».

– Не раскисать! – попробовала приказать себе Катя. – Все хорошо. У меня – все хорошо.

Будет она еще расстраиваться из-за того, что народ справляет Рождество в ресторанах, а она – нет. Да они сейчас с профессором так отпразднуют – любому казино на зависть!

«Не кисни!» – внушала она себе. Но сегодня у нее ничего не выходило. Почему-то раздражало все – и то, что юбка, купленная вроде бы у Валентино, мнется через десять минут сидения за рулем. И даже спальня – когда-то любовно обставленная – раздражала. С чего ей тогда взбрело в голову вешать темно-зеленые шторы? Для пущего интима, что ли? Сейчас она заметила, что тяжелые складки пропитались вековой пылью, и вообще – в комнате мрачно, как в кабинете старопартийного босса.

...После того как Катюша скрылась в спальне, Андрей прошел в другую комнату, которая служила им с женой своего рода *совмещенным кабинетом*. Ужин у него уже был готов – осталось только разогреть в микроволновке. В рабочей комнате для каждого из них стояло по письменному столу, на столах помещалось по компьютеру. Его стол стоял у окна. Ее – ближе к двери. Он любил свет, она – полусумрак и лампу. Те книжные полки, что находились за спиной Андрея, были набиты книгами по электротехнике, физике, математике. Возле Катиного рабочего места стояли французские, английские и испанские словари и книги на языках. Нейтральная территория, посредине, была отведена для художественной литературы.

Андрей уселся за свой стол. На стене перед ним висели, обрамленные в рамочки, его трофеи: семь патентов на изобретения. На них, как положено, значилось четыре фамилии: в первых строках тогдашний министр энергетики, затем – заведующий кафедрой, потом его научный руководитель и, наконец, на последнем месте – он, собственно автор. Рядом помещались обрамленный рамкой кандидатский диплом, а также диплом Сорбонны об окончании аспирантуры. Последний был особенно дорог Андрею: и потому, что это все ж таки не профтехучилище и даже не электротехнический институт, а Сорбонна. И оттого, что он напоминал ему о Париже. И потому, что именно там он познакомился с Катей....

Кроме того, над его столом висела, также обрамленная в рамку, обложка единственной монографии, написанной Андреем. Она называлась «Нетрадиционная энергетика», и на обложке значились, кроме его собственной, все те же три посторонние, облаченные должностями и титулами, фамилии. И патенты, и стажировка в Сорбонне, и монография относились к той, предыдущей, безвозвратно ушедшей жизни...

Андрей откинулся в кресле и вздохнул. Посмотрел в окно. Над тихим переулком начинал сыпать крупный снег.

Его на минуту охватила ностальгия по прежним временам. Он вспомнил: восемьдесят четвертый год, он закончил институт. Молодой, веселый; полно друзей, идей и планов... Ему – двадцать три года... Будущее тогда представлялось ему ровной, чистой, просторной дорогой, все время постепенно поднимающейся в гору. В двадцать семь – на худой конец, в двадцать восемь – он защитит кандидатскую. В тридцать пять – докторскую. Где-то в этом промежутке подойдет его очередь на вступление в партию. К сорока он станет профессором и заведующим кафедрой (в крайнем случае – заместителем заведующего). И тогда... Тогда, к сорока, у него будут хорошенькие аспирантки, на него восхищенно станут смотреть студентки, его лекции начнут собирать полные аудитории – на них будут приходить даже с других факультетов... Он в себя верил, и у него, черт побери, были все шансы!

И вот его молодые мечты исполнились. Но как-то гротеск-

но – даже карикатурно! – исполнились. Он нынче и профессор, и замзав кафедрой. Но что это значило – *сейчас*? Зарплата в полторы тысячи рублей. Меньше, чем у иного безработного. Студентки, юные, длинноногие, смотрят сквозь него. Аспирантки – провинциальные крокодилихи. На его лекциях – после того как отменили обязательное посещение – собирается пять-семь человек. Студенты сейчас не учатся – они носятся по Москве, деньги зарабатывают. Он, профессор, и готовиться-то к лекциям перестал, да и читает их без всякого энтузиазма: бубнит под нос давно заученное.

Андрей вздохнул. Чертова жизнь!

Ему приходится бегать по урокам, чтобы хоть как-то подтянуться к тем деньгам, что приносит домой жена. И все равно ее заработки в три, а то и в четыре раза выше. Уроки английского и французского, которые дает она, ценятся сейчас куда дороже, чем его физика. Счастье еще, что ему в этом году вообще удалось найти учеников. Никто не хочет поступать в технический вуз, тем более – платить репетиторам.

Гадство! Форменное гадство!

...Катя неохотно выбралась из-под одеяла. Хорошо бы Андрей не ворчал, что она залезла в чистую постель в уличной одежде. Быстро сняла костюм, накинула халатик. Подошла к зеркалу смыть косметику. Отражение выглядело грустным. Со вселенской печалью в глазах. Она смочила тампон в своем любимом лосьоне от «Ив Роше» и принялась яростно протирать лицо. Отчего у нее такие синяки под гла-

зами? Неужели косметика размазалась?

Катюша выбросила уже два тампончика, но избавиться от подглазной синевы ей так и не удалось. Выходит, это не размазанная косметика. «Любимый ученик» довел? Или она так выглядит с голодухи, ведь пообедать было некогда?

Впрочем, само лицо, любовно подпитанное дорогим кремом, уже смотрелось получше, не таким утомленным.

– Я еще хоть куда! – сердито сказала она своему отражению.

И мгновенно подумалось: «Сегодня – хоть куда. А завтра – тебя просто убьют. Неизвестно кто и неизвестно за что».

...Внезапно Катя поняла, *что* ее так подспудно раздражало – весь день, с того самого момента, когда они с мужем вышли из офиса частного детектива. Она тогда завела мотор. Андрей устроился на своем пассажирском кресле – до предела откинутом назад, чтобы было просторней. Катя быстро тронулась с места – она уже опаздывала. А Андрей сказал – одновременно и уверенно, и робко:

– До метро меня подкинешь?

Вот, вот оно что. Это и бесило ее весь день. Это, а вовсе не тупоголовый ученик. И не то, что у кого-то, а не у нее, есть возможности ходить по концертам и ресторанам.

Андрею и в голову не пришло сказать, что он за нее беспокоится. И что он никуда ее не отпустит. А уж если ей очень надо ездить на уроки, то он будет все время с ней и станет провожать ее до квартир учеников. Нет, Андрей просто по-

просил довести его до метро...

– Ну, а ты чего хотела? – обратилась Катя к своему отражению. – Чтобы он, как Рэмбо Сталлонович, в твои охранники подался? Ежу ведь ясно: ну поехал бы он с тобой, ну и что? От убийца тебя бы спас? Да никогда, смешно просто. У Андрюши – освобождение от физкультуры. Пожизненное. Случись что, был бы не один труп, а два. А так он хоть один урок, кажется, дал. И курсовые свои проверил.

Она подмигнула зеркалу:

– Терпи, подруга. Ты что, об этом раньше не знала? Не знала, когда выбирала его? Не кривись, знала прекрасно. Выбирала его за мозги, а не за мышцы. За мозги и доброту... Так что смирись. Какая от Андрюшки защита?! *Suum cuique*.⁴ Зато он меня любит. И сейчас ужином накормит. Вкусным, наверно...

...Андрей, сидя в кабинете, снова вздохнул.

Да, вот ведь как оно вышло... Судьба и страна, со всеми ее перестройками и реформами, обманули его. Вместо ровной и прямой дороги, постепенно идущей в гору, они устроили ему, впрочем, как и всему народу, что-то вроде американских горок. Ты то взмываешь круто вверх, то рушишься вниз... Потом дорога закладывает крутой вираж... Такие поездки, конечно, безумно интересны: а ну, какой еще фортель выкинет судьба? Что там, за поворотом? И дух захваты-

---

⁴ Каждому свое (лат.).

вает... Только вот... Что-то в последнее время от этих американских горок начинает тошнить...

Андрей рассеянно посмотрел на сертификат Сорбонны. Девяносто второй год, и он тогда был настолько наверху, что от высоты спирало дыхание... Выше некуда... А потом... Потом они вернулись, уже вместе с Катюшей, в Союз (который успел стать просто Россией), и он... И он стремительно полетел с горки вниз. Работы нет, денег нет... С трудом друг устроил его в переводчики – на газовые промыслы Ямала. Вахтовый метод: два месяца там, месяц – дома. (Следует заметить: он, кандидат наук, работал переводчиком у простых канадских работяг!) Горки, горки...

Потом они, эти виражи судьбы, опять круто вознесли его вверх: работа в инофирме, по любимой специальности; две штуки баксов зарплата, сотовый телефон, заграничные стажировки, персональное авто с шофером...

Но недолго музыка играла... Девяносто восьмой год, компания уходит с русского рынка, и он опять рушится вниз... Вниз... Кто бы предполагал пятнадцать лет назад, что «профессор» и «замзавкафедрой» будет означать – *вниз*... А ведь и вправду – ниже некуда... Заработок – курам на смех... И уважение окружающих – где-то на уровне абсолютного нуля. Только мама, одна, пожалуй, осталась среди тех, кто им гордится: «Андрюша – профессор!» Она с таким вдохновенным придыханием произносит эту фразу, что его всего аж передергивает...

Да, маленько надоели эти крутые выражи... И возраст уже не тот, чтобы летать вверх-вниз по горкам... Эх, как было бы хорошо, если б американцы не надули... Пусть для начала он будет там у них работать простым инженером, но все равно – это пять штук долларов, как минимум, в месяц. Шестидесят тысяч в год. И это – только в первый год. Дальше будет больше... И – живешь в тихой, спокойной, благоустроенной стране... В стране, где давно ничего не случается... И – никаких тебе по жизни горок... Ни русских, ни американских... Только в парках, для забавы, в уик-энд...

Катя пока ничего о его планах не знает – да и не надо ей знать. Зачем лишние надежды? Тем более если они не оправдаются? Лучше не делиться с ней иллюзиями и наполеоновскими планами. Катя такой человек, что перед ней хочется не раздувать щеки, а, наоборот, поплакаться, посетовать на судьбу (мы ж пока не в Америке, где у всех на все один ответ: «Файн!»⁵). Наш-то бог, православный господь, – он, в отличие от ихнего, протестантского, – не улыбку, а слезу любит. Да и Катюша всякий раз, после того как он жалится на судьбу, вселяет в него дополнительную дозу оптимизма (знал бы он, чего ей это стоит!). Когда он принимается ей пенять на перестройку с реформами вообще и на его собственную профессиональную жизнь в частности, она обычно обрывает его: «Бога-то не гневи, Дьячков!.. Ты еще спасибо должен сказать: по специальности работаешь!.. А ты крос-

---

⁵ Прекрасно! (англ.)

совками на рынке торговать не пробовал?!. Или челночить в Турцию?! Или листовки на улице раздавать?.. Это – каково?! А ведь там, на улицах, на рынках, такие же, как ты – кандидаты-доктора!..» Андрей обычно соглашался, кивал, но при этом удрученно вздыхал. А она припечатывала: «Успокойся! Все – будет!»

...Катя окончательно страхнула со своего лица тяжелую усталость прошедшего дня и выбралась из спальни. Ворвалась в кабинет (точнее – *кабинеты*).

...Андрей поднял голову. Катюша уже переоделась в халатик и – вот счастливый человек! – после получаса отдыха выглядела не такой умученной.

– За-яц! Есть хочу! – жалобно пропела она.

Все ж таки это был рождественский ужин, и профессор расстарался. Нет, на гуся с яблоками или там индюшку его все-таки не хватило, зато на кухонном столе, накрытом по случаю праздника не клеенкой, а клетчатой скатертью, присутствовал какой-то аппетитно выглядящий салат и румяные котлетки. Имелись два соусника – один с чем-то белым, другой – с чем-то красным, а также фарфоровая миска, полная листьев зеленого салата. Стояли также бокалы и бутылка белого вина.

– «Божоле»! Настоящее французское! – провозгласил Андрей. – Мой тебе подарок!

– Спасибо, – попыталась изобразить радость Катя. Она

слишком устала, чтобы радоваться взаправду.

– Ну, давай есть, – потер руки профессор.

Навалил ей в тарелку остро пахнущего салата. Немного положил себе.

– Что это? – вяло поинтересовалась она.

– А ты угадай. С трех раз.

Честно говоря, Катя была так голодна, что ей было не до кулинарных изысков. Она бы даже предпочла сейчас плебейские сосиски с макаронами. Четыре копченые сосиски и полную тарелку макарон. Но салат – так салат. Только, бога ради, без всяких «угадаек»...

Андрей откупорил бутылку и разлил по бокалам «Божоле». «Безумных денег, наверно, стоит, – подумала Катя. – Рублей триста бутылка – как минимум. Что за манера – с такой легкостью тратить деньги, которые зарабатываешь не ты», – с внезапным раздражением подумала она о муже.

Катя попробовала салат. Это было что-то рыбное. Точнее – какие-то морепродукты. Кажется, мидии. Тоже, наверно, диких денег стоит.

– М-м! – фальшиво восхитилась она. – Вкусно!

Она запила салат вином, а затем очень быстро съела его подчистую. Андрей с грустью смотрел, как исчезают с тарелки плоды его вдохновенного творчества.

– Давай второе, – приказала Катя.

– А что это было? – грустно спросил муж, имея в виду салат.

– Кажется, мидии.

– Правильно. А еще что?

– Извини, я так устала. И проголодалась. Не до того. Андрей надулся.

Положил ей на тарелку две котлетки с золотистой корочкой, полил сверху ярко-красным соусом. Навалил ей полную тарелку зеленого салата, его, в свою очередь, приправил белым соусом. Подлил Кате вина.

Она попробовала котлетку.

– А вот это – я знаю что! – воскликнула она с фальшивым энтузиазмом.

Ругаться под Рождество не хотелось. Да и слишком устала она.

– Что?

– Сыр «сулугуни», обжаренный в сухарях! И клюквенный соус.

– Правильно!.. Почти правильно. Только сыр не «сулугуни», а адыгейский.

– Это хорошо, он дешевле.

Андрей опять надулся – в словах жены ему почудился упрек. Чтобы не обострять, Катя подняла бокал и сказала:

– Давай выпьем. За тебя. Повар ты – знатный.

Они чокнулись.

– И еще ты – самый большой умник на свете, – добавила она. А потом чуть понизила голос и хрипловато сказала: – И – чудо-любownik.

Андрей расправил плечи. Поразительно, как мало надо, чтобы польстить мужчине. «Только бы он сейчас не полез ко мне, – с ужасом подумала Катя. – Совсем не тот настрой».

Она быстро, даже жадно, смела с тарелки и сырные котлетки под клюквенным соусом, и зеленый салат. После еды и двух бокалов вина настроение улучшилось. Катя взглянула на часы. Половина двенадцатого. «Да это настоящее преступление, – подумала она, – есть так поздно. Скоро меня разнесет, как бочку. А на шейпинг или теннис – денег нет... Опять, черт возьми, нет денег... Еще неизвестно, сколько придется заплатить в итоге этому детективу Паше. Он может выставить мне такой счет, что закачаешься». Но ей отчего-то все же казалось, что Паша, несмотря на свою скользкую (скажем так) профессию, – честный и даже чистый человек. Он, откровенно говоря, ей понравился. В нем чувствовались те качества, которыми не мог похвастаться ее супруг: надежность и сила. Когда такой мужик рядом, чувствуешь себя как за каменной стеной. Ничего не страшно.

Андрей принялся щелкать пультом телевизора, гоняя его с канала на канал. Более трех секунд он ни на одном не задерживался. На экране в бешеном темпе сменяли друг друга священники в раззолоченных одеждах; распеваящая и приплясывающая группа «На-на»; бегущий куда-то герой боевика с пистолетом наперевес; реклама жвачки...

– Андрюш! – обратилась к мужу Катя.

– А? – откликнулся он, не отрываясь от экрана.

– Как тебе понравился Паша?

– А кто это? – недоуменно спросил Андрей, по-прежнему гоняя каналы.

– Да детектив этот! Частный!

– А... Не знаю... По-моему, он прохиндей...

Муж по третьему кругу пошел обзирать телевизионное меню.

– Почему – прохиндей?

– Да они все прохиндеи... – супруг не отрывался от мелькающего экрана.

– Значит, ты считаешь, что мы напрасно с ним связались?.. Да выключи ты, наконец, этот ящик!..

Андрей автоматически выполнил команду. Телевизор нем.

– Что ты говоришь? – муж полуобернулся к Кате.

– Я говорю, – сказала Катя, в ней начинало глухо нарастать раздражение, – ты считаешь, что мы напрасно с ним связались?

– Да я не знаю... – вяло откликнулся супруг. – Может, и не зря... Вот только деньги...

– А что – деньги? – раздражилась Катя. – Извини меня, но это – мои деньги. И жизнь – моя! Это в меня стреляли!..

– Хорошо, конечно, – покорно откликнулся профессор. – Тебе видней...

– Ты, кстати, со своих ученичков деньги получил?

– Я? Нет.

Кате показалось, что муж слегка покраснел.

– Почему?

– Нету у них.

– Как это «нету»? Слушай, Дьячков, они тебе вообще когда-нибудь заплатят? Ты уже четвертый раз с ними на халяву занимаешься!

– Скажи спасибо, что хоть такие ученики есть, – буркнул Андрей.

– Ага, спасибо. Большое спасибо, – саркастически протянула Катя. – Мы им очень признательны, что ты можешь за-
бесплатно упражнять свой педагогический дар!

– Да заплатят они, рано или поздно, – миролюбиво сказал супруг. – Это же дети друзей. Да и потом, ты-то со своих деньги получила...

– Я-то – получила. А вот ты-то – нет!

Муж ничего не ответил, резко встал и принялся собирать со стола грязную посуду. Было видно, что он разозлился.

Можно продолжить ссору и дальше, довести ее до точки кипения, до взрыва – но Катюша вдруг снова ощутила, как она за сегодня устала. Андрей ополаскивал под краном тарелки и с грохотом составлял их в посудомоечную машину. Занимался он этим с явным отвращением. Кажется, отвращение он испытывает ко всему, кроме науки, кулинарии и преподавания. И еще – секса.

– Спасибо тебе за ужин, – примиряюще сказала Катя. – Все было очень вкусно.

Андрей промолчал.

– Андрюш, – сказала, слегка подлизываясь, Катя, – как ты думаешь, а почему мы с тобой каждый год на Рождество ругаемся? И каждый раз – у меня в Рождество такое плохое настроение...

– Ты – крещеная? – спросил, выпрямляясь от посудомоечной машины, Андрей.

– Не-а.

– И я – нет. И не постимся мы. И в храм не ходим. И не молимся... А откуда, скажи пожалуйста, у тебя – и у меня! – будет в душе радость, если до этого ни труда никакого, ни страдания, ни лишений – у нас не было?

– То есть ты хочешь сказать, что бог нас в Рождество наказывает за неверие?

– Не бог. Нужны мы богу!... Мы сами себя наказываем.

Катюша грустно улыбнулась.

Вот таким она любила своего Андрея: умным, ярким, умеющим просто объяснить даже самый сложный вопрос.

«Нет, – подумала она, – он еще совсем не реализовал себя. У него еще все впереди... Будем надеяться, что все впереди».

Андрей включил посудомоечную машину.

– Пойду-ка спать, – объявил он. – Устал чего-то. Душ я уже принял, так что ванная – твоя.

– Хорошо, – откликнулась Катя. – Я тоже помоюсь – и баиньки.

...Когда Катя, завернувшись в махровый халат, вышла из душа, Андрей уже спал. Ночник не погасил, завернулся в одеяло, свернулся клубком, только нос торчит. Спящее лицо без привычных очков выглядит беззащитно. Катя подошла к окну, приоткрыла портьеру, глянула на улицу. «Фиат» сиротливо стоял под ртутно-белым фонарем. Его уже слегка занесло снегом.

Несмотря на длинный, трудный день, а может быть, именно поэтому, спать Кате совсем не хотелось. В каком-то отупении она прошлась по квартире. Взяла с полки в кабинете читаную-перечитаную «*The Catcher in the Rye*»⁶ в оригинале. С этой книги Катя когда-то начинала учить английский. «Над пропастью во ржи» ее всегда успокаивала. Катя прилегла прямо в халате на супружеское ложе. Включила свой ночник. Открыла книжку наугад. Попыталась читать. Но буквы плясали перед глазами, смысл давно знакомых предложений не доходил до нее, приходилось по два раза – как когда-то – перечитывать каждую фразу, с разгону бросаться на новый абзац. Совсем не читалось. «Может, выпить снотворное? – подумала Катя. – Нет, после вина нельзя. Да и завтра тогда голова будет та-ак болеть...»

Но что же делать? Заснуть ей явно не удавалось.

За приоткрытой форточкой дышала ночная Москва. Народ веселился – стояла Ночь перед Рождеством.

Во двор въезжали машины. Орали магнитолы, шумели

---

⁶ «Над пропастью во ржи» (англ.).

приехавшие поддавшие компании. А в соседней квартире собрался девичник. Судя по взрывам смеха, там предавались гаданиям.

Андрей завозился под одеялом, пробурчал сквозь сон: «Достали уже!» Накрыл ухо подушкой. А Катя продолжала прислушиваться.

Девчонки из соседней квартиры всей кодлой высыпали на балкон. Они собирались кидать башмачок и шумно обсуждали, не украдут ли, если выбросить вместо старой тапки хорошую туфлю.

«Дождетесь – Агафон какой-нибудь поднимет», – беззлобно подумала Катя. На минуту ей вдруг стало очень грустно. Девчонки – молодые, беззаботные – веселятся. Гадают... А она смиренно лежит в супружеской кровати. Как бабуля какая-то, ей-богу... Хотя бы Андрей не дрых, было бы с кем поговорить...

Но будить его она не стала. Бесшумно выбралась из кровати, прошла на кухню. Придется вместо – или в качестве? – снотворного выпить еще вина. И заодно еще раз отпраздновать Рождество.

Катя налила себе немного душистого «Божоле» и устроилась на кухонном диванчике.

«Это тебе за Настю», – в очередной раз слышала она голос стрелявшего в нее человека. На сердце было тяжело. Настька, Настена – грубоватая, резкая, жесткая... И такая родная.

Прошлое бродило рядом, бередило старые раны...

Она сделала глоток и отставила бокал. Нахлынули воспоминания – живые, яркие. И образы ее подруг – те, десятилетней давности, образы – предстали перед нею...

Глава 4

Весна на лету

За десять лет до описываемых событий

...Француз в наушниках излагал историю строительства Tour d'Eiffel.⁷ Диктор гордился своей страной: грандиозно!.. Монументально!.. Визитная карточка Парижа!.. Вникайте, господа студенты!

Катюша изо всех сил старалась проникнуться французской горячностью. Действительно, давно пора вникать – в новую тематическую лексику и в употребление глаголов.

Но мысли были непослушны. В пыльное окно лингафонного класса врвалось наглое весеннее солнце. Просматривалось небо – чистое-чистое. И ярко-голубое, каким оно бывает только в предчувствии весны.

«Погодка-то прыжковая», – вертится в голове у студентки Кати Калашниковой. Не снимая наушников, она оглядывается. На лицах у многих однокурсников тоже блуждают блаженные весенние улыбки – какой уж тут французский. Студенты мечтают о поцелуйчиках на февральском ветру и вечерней институтской дискотеке. Но Катя не с ними. Катя –

---

⁷ Эйфелева башня (фр.).

сама по себе. В другой – ох, насколько другой! – жизни.

Она представляет себя в кабине вертолета, на штурманском месте. Когда штурман пьян и летчику приходится летать самостоятельно, Кате всегда удается проникать в кабину. Пилот Леша Демкин симпатизирует Катюше и оставляет для нее место рядом с собой.

Летчик легко отрывает громаду «Ми-8» от земли, вертолет взлетает, вихри снежинок разносятся вниз и медленно оседают на летном поле. Мелькают аэродромные постройки, голые зимние леса, квадраты полей. Катя восхищенно, как в первый раз, смотрит по сторонам, в застекленное со всех сторон окно кабины. Какое все сверху маленькое, несерьезное... Как хорошо чувствовать себя выше – в самом прямом смысле! – выше мелких земных дел.

За это летчик Катюшу, кажется, и любит: она не устает восхищаться. Каждый взлет искренне восторгается: и небом, и высотой, и красотой оставшейся внизу земли, и мастерством пилота...

Вот они уже на трех тысячах метров. Пилот выходит «на боевую» – траекторию выброски парашютистов. Катя внимательно наблюдает за ним. Наконец он поднимает большой палец. Катюша – в реакции ей не откажешь! – тут же жмет на «выбросную кнопку»: дает сигнал к прыжку. Приготовился – пошел!

Она знает, что в кабине загорается желтая лампа. Ее сопровождают противные гудки сирены. Повинуясь команде,

парашютисты – из Катиной кабины они кажутся маленькими и беззащитными – один за другим исчезают в морозной синеве.

Аэродромный красавец Гоша прыгает вместе с Катиной подругой Валентиной. Валька в дверях замешкалась – и они вместо красивого, слаженного прыжка вываливаются кубарем. Катя фыркает. Дядя Леша отвечает ей понимающей улыбкой: «Любовь, мол, – что поделаешь».

Потом настает черед двоих мрачноватых «афганцев». Они покидают самолет идеально, синхронно, но у Кати в голове мелькает мысль: «Интересно, зачем им прыгать вдвоем»? Когда вертолет вместе покидают девушка и юноша – с этими все ясно, будут в свободном падении целоваться, невзирая на февральский мороз. А зачем прыгать вдвоем мужикам? Может, они «голубые»?!

Последним, точнее, «крайним» – слово «последний» на аэродроме пользуется дурной репутацией и не употребляется ни в каких контекстах, – вертолет покидает аэродромный чудила Никита. Он долго стоит у двери, вглядываясь в бездну. «Трус несчастный», – мелькает в голове у Катюши. Дядя Леша еще раз сам жмет на кнопку выброски, подгоняет Никиту. Наконец тот решается. Выпрыгивает, споткнувшись о порог вертолета.

– Раскоряка! – рявкает дядя Леша.

Катя понимает: Никита опять вывалился кубарем и не махнул летчику на прощанье. А дядя Леша любит, когда

спортсмены делают ему ручкой...

Вертолет идет на второй заход. Летчик показывает Кате на термометр – за бортом минус сорок два. Ничего не слышно, но Катя угадывает в шуме мотора по его губам: «Оставайся со мной! Холодно!»

Она мотает головой. Застегивает шлем, натягивает очки, надевает перчатки. Чмокает пилота в задубелую щеку. Пора! Второй заход! Выпускающий инструктор на секунду засовывается в кабину пилота и гаркает Кате:

– Пойдешь за мной!

Она радостно кивает – обожает прыгать после всех, когда остается один на один с небом, вертолетом и опасностью. Катя выжидает ровно четыре секунды после того, как инструктор отделился от борта вертолета. Она разбегается и бесстрашно, разве что на долю секунды притормозив у порога – «последней черты», – падает в раскрытую дверь. В лицо ударяет колкий ледяной воздух. Катя успевает развернуться лицом к кабине пилота и послать ему воздушный поцелуй. Она знает: дядя Леша обязательно проводит ее взглядом и будет тревожно посматривать в зеркало до тех пор, пока не увидит розовый прямоугольник ее открывшегося парашюта.

Прощавшись с дядей Лешей, Катя бросает взгляд на высотомер: высота 2800, у нее еще есть как минимум тридцать секунд. Сегодня она попробует сделать «ласточку» – фигуру, о которой прочитала в американском журнале «Парашютист». Катя принимает стандартную позу свободного паде-

ния – лицом к земле, руки и ноги раскинуты широко в стороны – и начинает осторожно опускать правую ногу. Ее тут же заваливает набок. Эх, не выходит из меня ласточки! Она выравнивается и снова пытается, теперь с другой ноги. И кувыркается еще пуще. Разбирает азарт – что ж я, тупей американцев, что ли? Катя опять принимает исходное положение и бросает взгляд на высотомер. Ого, уже всего тысяча метров! Время закончилось. Почти пора! Секунды три она просто несется – лицом к земле, наслаждаясь бешеной скоростью и приближающимися деревьями леса. Как только высотомер показывает восемьсот метров, она берется за кольцо. Ну, что на этот раз? Пронесет?

Пронесло. Ее «ПО-16» послушно и мягко наполняется воздухом. Ай да укладка! Это сам начальник аэроклуба научил ее складывать парашют так, чтобы свести аэродинамический удар к минимуму.

Нет больше ни скорости, ни свиста в ушах. Первым делом Катя машет рукой, приветствует летчика дядю Лешу – хотя и знает, что ему никак не разглядеть приветствия – ее фигурку закрывает купол. Она берет курс на аэродром – сегодня выбросили далековато, а ей хочется приземлиться поближе к старту, чтобы не топать потом по глубокому снегу. Купол, повинаясь легкому движению рук, лежащих на стропах управления, быстро теряет высоту. До земли уже – метров двести. Вот и аэродромное поле. Катя видит, как ей навстречу несется аэродромный пес по кличке Буран. Буран

обожает встречать приземляющихся парашютистов. Играючи, он радостно прыгает на них в момент приземления, причем – сзади. Многим это не нравится, и собаке не раз попадало. Но Катя – и Буран это прекрасно знает! – ничего не имеет против его прыжков. Пес первым встретит ее на земле, грызнет за ботинок, а потом лизнет в нос. А она погладит его по заиндеветой от мороза шерсти... Или даже чмокнет в кожаный влажный нос.

И услышит по громкой связи – к потехе всех спортсменов – разносящийся над аэродромным полем разухабистый голос руководителя полетов:

– Калашникова! Глисты будут!

...В Москве уже ощутимо пахло весной. Снег почернел, дороги в лужах, стоящие у выхода из метро азербайджанцы предлагают прохожим солнечные мимозы.

А за городом пока колдовала зима. В лунном свете искрился ярко-белый снег. Колючий ветер теребил за нос.

Катя Калашникова и Валя Крюкова приехали на аэродром в пятницу с последней электричкой. Валя предлагала сорваться пораньше, но Катин руководитель диплома отпустил ее только в семь. Тут уж дай бог успеть на поезд в двадцать один ноль пять и потом бегом мчаться к автобусу, отходящему со станции Чехов в двадцать два сорок...

– Когда-нибудь мы на маньяков напоремся с твоим дипломом, – проворчала Валя, когда девушки выпрыгнули из за-

индевевшего автобуса и быстро, чтобы не замерзнуть, зашагали по снежной тропинке – ее успели протоптать спортсмены, приехавшие раньше.

Над тропинкой нависал мерзлый февральский лес, ветер поигрывал верхушками вековых елей. Кате тоже было страшно – ночью, на безлюдной дороге, когда кажется, что за каждым деревом прячется если не маньяк, то, по крайней мере, какой-нибудь леший. Но она беззаботно сказала:

– Да брось ты, Валюн! Здесь маньяки – только мы с тобой!

– Тоже верно, – охотно согласилась Валя, – и чего мы только сюда ездим... Это кому сказать только... Взрослые, солидные женщины...

– Как наркоманки! – закончила Катя. Вздохнула: – Прямо беда какая-то. Хуже сигарет этот аэродром. Вроде и ясно, что бросать надо, да только не получается.

...На аэродром Катя попала случайно. Два года назад ее притащил сюда тогдашний поклонник. «Представляешь, Катьюш? Я завтра с парашютом первый раз прыгаю. Поехали со мной, а? Поглядишь на меня, с земли помашешь. Заодно и свежим воздухом подышим...»

Катя из любопытства согласилась поехать. Как верная подруга, сопровождала поклонника и на построении новичков, и на укладке парашютов, и на летном поле.

Она с интересом присматривалась к аэродрому, к инструкторам, к бывалым спортсменам, снисходительно поглядывающим на новичков.

Раньше Катя считала, что спортсменами становятся одни только дурачки, кому не хватает мозгов на хорошее образование и интересную работу. Ну, а раз у них нет мозгов – приходится развивать тело! Тренироваться до одури...

Однако спортсмены-парашютисты на первый взгляд казались вполне смыслеными. Пожалуй, они выглядели даже лучше ее однокурсников. Катюша, которая тогда училась на третьем курсе иняза, уже порядком устала от худосочных интеллектуалов. Тощие очкастые мальчишки, что окружали ее в институте, без конца трындели – Шопенгауэр! Кастанеда! Ницше! – но не умели защитить от хулиганов. Парашютисты, напротив, наверняка путали Кастанеду с Костолевским, зато выглядели – как на подбор! – крепкими и мужественными.

Когда Катиного героя-друга пригласили в самолет и он поднялся по лесенке внутрь, бросив на нее на прощание мученический взгляд, Катюша поинтересовалась у стоящего рядом мужчины:

– Может парашют не раскрыться?

Мужчина фыркнул:

– Да черта с два! Это же – «дуб».

– Дуб? – не поняла Катя.

– Д-1-5-У. Купол для начинающих, – пояснил ее собеседник. – Точной статистики не помню, но в среднем отказы бывают один на миллион. Так что не бойся за своего героя... – слово «герой» мужчина произнес с изрядной долей иронии. – Можешь и сама попробовать...

– Я?! – Предложение показалось диким.

– А что тут такого? – удивился мужчина. – У нас много де-
вушек прыгает. И всем нравится. Давай запишу тебя в свою
группу. Месяц наземной подготовки – и вперед, в небо.

Еще вчера в ответ на такое предложение Катя бы просто
расхохоталась. Ей! Стать парашютисткой! Да кому сказать
только! Но... Она смотрела на «Ан-2», рычащий в небе, на
румяных, беспечных парашютистов. Те из них, что казались
аэродромными старожилами, к самолету шли с улыбочкой,
с предвкушением – как Наташа Ростова на первый бал. Они,
казалось, ничего не боялись. Наоборот, с нетерпением ждали
приключений.

В голове пронеслось: «Why not?⁸ Один раз живем! Зато
будет что рассказывать внукам – долгими вечерами в конце
двадцать первого века!»

Когда ее поклонник приземлился – мокрый от снега и
важный от своей храбрости, Катя доложила ему:

– Я тоже записалась в группу молодых спортсменов.

...На занятиях было довольно скучно. Зато инструктор
у них оказался замечательным – высокий, мужественный и
остроумный. Он явно выделял Катю и лично помогал ей
укладывать тяжеловесный «дуб». У Кати появились возды-
хатели – и новички, и опытные спортсмены. Появились и
новые подруги. Она с нетерпением ждала выходных – когда
можно будет поехать на аэродром, пообщаться, посмеять-

---

⁸ Почему бы нет? (англ.)

ся, почувствовать в хорошей компании. Бесшабашный, веселый аэродром ей очень нравился – особенно по контрасту с институтом, где полагалось быть всегда серьезной, начитанной и использовать только нормативную лексику.

...Время первого прыжка подкралось незаметно. Проснувшись ранним утром в *ту субботу*, Катя слегка расстроилась. Хотя солнце еще не взошло, небо было чистым и звездным. Значит, по погодным условиям прыжки не отложат... По дороге на аэродром она надеялась, что, возможно, отменят все электрички. Или на парашютном складе купола разберут, и на ее долю не достанется. Однако все в этот день шло как по маслу – и уже в десять утра Катюша, окутанная основным куполом и запаской, дрожала в промерзлом за ночь «Ан-2». Рядом с ней сидела такая же «чайница» – Валя Крюкова. Когда самолет прогрел двигатель и оторвался от земли, Валя шепнула Кате:

– А я надеялась, что он не заведется.

...Катина новая подружка Валя Крюкова приезжала на аэродром для того, чтобы, как она говорила, «оторваться от бизнеса». Впрочем, к бизнесу Валентина имела не самое прямое отношение – она работала секретарем в торговой фирме.

– Знаешь, как надоедает за неделю – «соответствовать». Костюмчик, колготки, «да, Иван Степаныч», «одну минуту, Иван Степаныч»! А здесь хоть можно человеком побыть...

«И подцепить кого-нибудь», – закончила про себя Катя.

Она понимала свою новую подругу. Если только о работе думать – свихнуться можно. А отдохнуть в Москве абсолютно негде. На кооперативные кафе никаких денег не хватит, а ходить на дискотеки, оккупированные широкоштаннами «люберами», – себе дороже.

А здесь, на аэродроме, – полно симпатичных парней. Свежий воздух, бутерброды с дешевой колбаской кажутся по морозцу восхитительным деликатесом. И адреналин тут выдают в любых порциях – почти бесплатно.

...После первого прыжка – как он прошел, обе со страху почти и не запомнили – Катя и Валя встретились в столовке. И единогласно решили: они остаются на аэродроме. Им обоим тут нравится.

С тех пор прошло два года. Девушки сделали по две сотни прыжков, дослужились до «крыльев» – спортивных парашютов, в сравнении с которыми «дубы» были просто колодами. Перезнакомились абсолютно со всей аэродромной публикой. Пережили по несколько романов со спортсменами и даже с инструкторами. И продолжали ездить сюда каждые выходные. Пусть на работе аврал, пусть простуда или зачет в институте – несмотря ни на что, каждую пятницу они встречались в электричке, несущейся к подмосковному Чехову. Им нравилось отдыхать здесь. Одно плохо – добираться далеко и неудобно.

Выйти бы побыстрее из морозного леса, устроиться в гостиницу, хлебнуть чайку. Валентина, укутанная в драный пу-

ховик и обутая в порыжевшие от старости сапоги, шагала сосредоточенно и молча. Видно было, что она побаивается их поздней лесной прогулки и сердится на Катю – из-за нее им пришлось выехать так поздно.

Катино воображение разыгралось. Она представила Валу – элегантную секретаршу в строгом сером костюме, с блокнотом в холеных руках, стенографирующую ответственные переговоры. Бизнесмены восхищенно поглядывают на сноровистую, строгую Валентину и строят ей глазки. Но знакомиться не пытаются – уж больно строг хозяин кабинета, Ва-лин шеф.

Наконец переговоры закончены. Босс, солидный борода-тый дядечка, прощается с деловыми партнерами, устало от-кидывается в кожаном кресле и вопрошает:

– Ну что, Валечка, конец неделе? Может, отметим это? Посидим где-нибудь в ресторанчике?

А Валя опускает глаза и отвечает:

– Извините, не могу. Спешу на аэродром.

Эта картина в Катином воображении вышла такой ясной, что она немедленно спросила подругу:

– Валь! А твой шеф знает, что ты прыгаешь?

– Да ты что?! Страшный секрет. По выходным я вро-де бы сижу дома и повышаю квалификацию. Учю англий-ский, практикуюсь в машинописи. Верит, дурачок, – снисхо-дительно сказала Валя. – А однажды, представь, у нас при-ем был. Так хозяин коньячку надрался и стал рассказывать,

как он один раз в армии с парашютом прыгал. Описывает – ну, как обычно «чайники» рассказывают – самолет, высота немереная, и он такой смелый и крутой... И все на меня поглядывает – восхитись, мол. Я еле сдержалась, честное слово!

– Ну и сказала бы ему! Сколько там у тебя прыжков? Двести с хвостиком?

– Не, зачем. Пусть уж. Королем себя чувствует.

Катя вздыхает. Она немного завидует Вале – как у той только получается держать все в секрете? Кате этого не дано. Все ее друзья, и преподаватели в институте, и соседи знают о том, что Калашникова – девушка необычная. Экстремальная. У нее есть хобби: по выходным она прыгает с парашютом.

Катиным друзьям и поклонникам, впервые приходящим в дом, немедленно демонстрируется альбом с парашютными фотографиями. И к семинарам, которые проходят по понедельникам, Калашникова принципиально не готовится – всегда можно сказать преподавателю, что в выходные пришлось задержаться на аэродроме. Катя даже маникюром себя не утруждает – а на замечания однокурсниц отвечает: «Зачем мне когти? С ними разве парашют уложишь?» И девчонки – рожденные ползать, не летать – кривятся, усмеваются, но примолкают...

Валя же, наоборот, держит свои парашютные подвиги в секрете. По воскресеньям, вернувшись с аэродрома, она весь

вечер борется с последствиями прыжков: наносит увлажняющую маску на обветренное лицо, делает питательную ванночку для рук и приводит в порядок ногти. И в понедельник появляется на работе – строгой и ухоженной секретаршей.

...От автобусной остановки до аэродрома – два километра пешком. В темноте, по морозцу, да с тяжелыми сумками (еда, сменная одежда, немного спиртного) – идти минут сорок. Девушки минуют сонного вахтера у железных полуоткрытых ворот около полуночи. Оказавшись на родной территории аэродрома, Валя сразу оживает: «Ф-фу, добрались!» Здесь бояться некого – все свое, все знакомое. Светится уютными огоньками Желтая казарма, из столовки доносится пение: поварихам только повод дай чего-нибудь попраздновать. Самолеты, переставленные с шасси на лыжи, смотрятся в ночном сумраке причудливыми огромными птицами.

Холодная загородная ночь загнала всех в тепло. На улице – ни души. Одинокое раскачивается на ветру фонарь перед входом в гостиницу, призывая тех, кто пока еще на улице, поскорее зайти в уютное тепло.

По радио только что спели Гимн Советского Союза – пробило полночь. Но гостиница, уродливое трехэтажное здание, еще далеко не спит. За освещенными окнами угадываются веселые компании – наигрывают на гитаре, смеются, звенят стаканами. В гостинице все перемешались. В крошечных двухместных комнатах живут и спортсмены, и инструкторы, и даже сам начальник аэроклуба – его апартаменты,

обшитые деревом, находятся на последнем, третьем этаже. Кстати, именно из-за такого соседства комнаты на третьем этаже особо не котируются – как веселиться, когда в любую минуту на пороге может объявиться разгневанный сонный начальник? А отбой – в одиннадцать вечера – официально еще никто не отменял...

Разумеется, все хорошие комнаты уже расхватали. Осталась единственная – по соседству с резиденцией начальника аэроклуба.

– Блин, там кровати двухэтажные, – вспоминает Катя. – И умывальника нет. И начальство за стенкой...

– Не хотите – идите в казарму, – комендантша явно устала выслушивать претензии спортсменов.

Катя и Валя переглядываются. В казарму идти не хочется – за рабочую неделю обе устали, а в казарме еще никому не удавалось толком выспаться.

– Ладно уж... а шеф у себя?

– Только что пришедши, – докладывает комендантша. – Так что без шума, сами понимаете...

– Ну и фиг с ним. Сразу спать ляжем, – решает Валентина.

Катя не возражает. Они еще успеют наобщаться-навеселиться. Впереди – два шальных, беспечных, экстремальных парашютных выходных...

Так называемая Желтая казарма уже год как считалась на аэродроме закрытой и списанной. Были составлены десят-

ки актов: мол, здание старое, ветхое и пожароопасное. Всем спортсменам предложено перебраться в гостиницу – то есть в бывшее общежитие для летного состава. В гостинице – лафа: комнаты на двоих, вода в кране не замерзает и даже туалеты на этаже – не надо до ветру бегать по сугробам. Но выкладывать кровные двадцать рубчиков за одну ночевку! За двадцать рубчиков – полтора прыжка можно сделать.

Да и веселей в Желтой казарме. В каждой комнате по десять кроватей – значит, человек тридцать может набиться. Байки, анекдоты, хохот. Песни под гитару. Водочка. И никакой инструктор не придет ворчать «за нарушение режима».

Раньше, при коммунизме, инструктора являлись в двадцать три ноль-ноль проверять отбой. А потом еще – через час-другой – выходили караулить под окнами: не раздастся ли взрыв хохота, не выскочит ли на улицу перебравший водочки спортсмен. А теперь подходит пора капитализма. Инструктора попрятались в своей теплой гостинице и сидят, считают, сколько они с каждого прыжка заработают. Ну, а спортсмены проводят ночь как им угодно.

– Го-ошик, не спи!

Гошу треплет за рукав Мэри.

Мэри, она же Маша Маркелова, – староста Желтой казармы.

Сейчас Маше уже двадцать шесть – а выглядит она лучше иных молодых спортсменов. И ведет себя бесшабашнее. И смеется заразительней.

Щечки горят, шерстяная кофта распахнута, под тонкой футболкой вздымается грудь. Машенька многозначительно демонстрирует свой пустой стакан.

– Ого, Мэри! Скоро мужиков перепьет! – замечает кто-то. Машенька тут же окрысывается:

– Чего ты тут вякаешь! – И добавляет презрительно: – Перворазник!

В комнате дружно хохочут. Перворазник – тот, кто *Прыгает Первый Раз*, – на аэродроме самое обидное слово. Перворазники считаются никчемными, трусливыми маменькиными сынками. У них конфисковывают еду и теплые вещи. И лишают их права голоса. Любой спортсмен проходит через стадию «перворазничества». Тут уж ничего не попишешь, такой закон. Вроде дедовщины в армии, только поспокойней, без всяких унижений и мордобоя. Зато чем больше у тебя прыжков – тем больше привилегий. И тем больше шансов сохранить упакованную мамой колбасу.

Машенька еще застала аэродромный социализм – бесплатные прыжки и питание, субботники, зубрежку матчасти, всевластие инструкторов. Злые языки говорили, что она получила парашют-«крыло», самый прогрессивный купол, первой из всей своей группы – потому что дружила с Котом, начальником склада и большим охотником до девчонок. Рассказывали, что Кот всем предлагал: «Сначала стелю «крыло» на полу, ну, ты поняла..., а потом – отдаю его тебе». Вот Маша, говорили, и согласилась. Хотя сама она убеждала, что

Кота ненавидит лютой ненавистью и, естественно, ничего у нее с ним не было. А «крыло» она получила как лучшая, самая опытная парашютистка... Да кто теперь разберется, дела давно минувших дней...

Боречка рос настоящим «сыном полка». Сыном Желтой казармы. Мальчика здесь обожали. Спортсменки играли с ним, как с хорошенькой куклой, а спортсмены делали ему бумажные самолетики и учили говорить: «Не паласют, а пар-р-ра-шют, понял?!»

Почти все выходные Боречка проводил вместе с мамой-одиночкой на аэродроме.

– Бабульки опять взбунтовались! С внуком сидеть не хотят, – докладывала Маша, устраивая мальчика на самой мягкой кровати в Желтой казарме. Борис хлопал огромными глазами, застенчиво улыбался и охотно принимал конфеты и бутерброды, которыми его потчевали спортсмены.

Мальчик был красивым, хрупким и задумчивым – не чета Маше, простоватой и порой грубой. Больше всего Боря обожал перебираться со своей теплой кровати на «первом этаже» в уголок на верхотуре – и оттуда наблюдать за спортсменами, собравшимися в комнате, прислушиваться к их разговорам.

Маша, которая всегда принимала самое деятельное участие в казарменных посиделках, периодически прикрикивала:

– Борис! Спускайся и ложись спать!

В ответ на приказание матери мальчик еще глубже заби-
вался в угол и принимался беспомощно хлопать длинными
ресницами. И у него тут же находились защитники:

– Да ладно, оставь его, Машка. Пусть посидит. Все равно
мы шумим – не уснет...

Кто был Бориным папой – на аэродроме осталось загад-
кой.

Несколько раз спортсмены устраивали диверсии: пыта-
лись напоить Машу до беспамятства и выведать-таки, кто же
Борин отец. Но это ни разу не удавалось. Мария в легкую
уничтожала двухдневный запас спиртных напитков, а потом
принималась петь или хамить – в зависимости от настрое-
ния. Но на коварные вопросы отвечала неизменно: «Ален
Делон его папа. Или Бельмондо – точно не помню».

Маша одной из первых на аэродроме купила свой соб-
ственный парашют – новенький ПО-17, сделанный на Щел-
ковской парашютной фабрике. Новейшая разработка отече-
ственной промышленности, «купол два в одном»: и основ-
ной, и запаска находятся на спине, в одном ранце. Это не то
что казенные «мешки» с запаской на пузе. Маша придумала
называть запаску старой модели «беременной», и словечко
на аэродроме мгновенно прижилось.

Свою собственность, парашют, получивший слегка дву-
смысленное имя Пострел, Мэри берегла, как золотой слиток.
Даже в изрядном подпитии и растрепэ она держала ненагляд-
ный Пострел под рукой и нежно поглаживала прочную ткань

ранца.

Машины недруги осуждающе говорили: «Она парашют больше сына любит».

Сама же Маша говорила, что она любит их – одинаково.

И еще Мария любит выпить.

...Машин тайный поклонник Гоша восхищенно наблюдает за тем, как лихо, без всяких тостов, она опрокидывает очередной стопарь, и замечает:

– К прыжкам завтра не встанешь...

На Гошу не цыкнешь – он далеко не перворазник, двести прыжков за плечами. Мэри только передергивает плечами:

– Ну и не встану. Что с того. Больше денег останется...

Маша очень переживает из-за того, что прыжки теперь платные. Даже не оттого, что денег жалко, – «капуста» у нее водится, хотя никто не знает, откуда. Ей просто грустно, что разрушена парашютная тусовка. Что они теперь – не одна большая семья, живущая под строгим оком инструктора. А каждый, как и принято при наступающем капитализме, сам по себе. Накопил денег – прыгаешь. Не накопил – смотришь с земли. И спорт как таковой теперь никому не нужен. Вон она, Маша, – кандидат в мастера спорта. Ну и что с того? Платит за прыжки, как все. А замаячили соревнования в Румынии – пожалуйста, можно поехать. Только за свой счет. Глупость какая-то... Черти бы взяли эту перестройку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.